

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

МЕЖДУ ФЭНТЕЗИ И НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКОЙ

18+

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Жолодное лето
1402-го

02

Сергей Руденко

2021

Дважды рожденный

Сергей Руденко

Холодное лето 1402-го. Том 2

«Автор»

2021

Руденко С. В.

Холодное лето 1402-го. Том 2 / С. В. Руденко — «Автор»,
2021 — (Дважды рожденный)

Бастарду Дирку из небольшого торгового городка на Соне пришлось непросто. Сиротство вообще штука неприятная, но для своих 14 лет он оказался на диво здравомыслящим. Ничего удивительного если знать, что совсем недавно его звали Александр Валентинович Кузнецов, и в подмосковном Зеленогорске он успел прожить больше сорока лет. Правда, и в своем новом доме у землянина засидеться не получилось. Наемничать вообще опасно, даже в отряде приятеля-мага, поэтому в какой-то момент оказалось, что спасти жизнь ему могут лишь в столичном Дижоне. А там - свои соблазны. В главном городе Бургундии жизнь, конечно, куда богаче, и возможностей для карьеры немало. Но и шансов бесславно исчезнуть, к сожалению, хватает...Содержит нецензурную брань.

© Руденко С. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Доброе утро, Ваша Светлость!	5
Глава 2. Самый лучший день...	11
Глава 3. Прогулка	17
Глава 4. Есть вопрос!	24
Глава 5. А ведь «моя твоя понимай...»	29
Глава 6. Сколько?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Руденко

Холодное лето 1402-го. Том 2

Глава 1. Доброе утро, Ваша Светлость!

Центр Дижона, дворец герцогов Бургундии

(11 апреля 1402 года, более месяца спустя)

Утро едва только собралось вступить в свои права, а воскресная месса в спальне герцога уже заканчивалась. Накануне вечером, один из оруженосцев посетил духовника Его Светлости и со всем возможным почтением передал просьбу провести воскресную службу отдельно – лишь для него, ближайших слуг, и главное – прямо в личных покоях.

«...В связи с необходимостью срочно уехать...» – расплывчато пояснил юноша, но вопросов не возникло.

Конечно же, 84-ый настоятель аббатства Сен-Бенин не смотря на преклонный возраст и безусловное уважение паствы, пошел навстречу своему царственному подопечному. Прелат* Александр де Монтегю был старинного рода, привык к куда как более многочисленному окружению на своих службах, тем более они и в самом деле пользовались успехом, но своей духовной обязанностью считал все же поддержать своенравного подопечного.

Герцог к весне 1402-ого тоже был не сильно молод – в январе он отметил шестидесятилетие – государственные заботы изрядно измотали его, но по-прежнему много ездил, а потому никто бы не осудил правителя, если б тот засветло покинул город, вынужденно пропустив одну из служб.

– ...существа порожденные Злом в большинстве своем несравнимо сильнее людей. Лишь особые из нас – те, кого Господь отметил своим незримым перстом – способны противостоять слабейшим слугам Тьмы. И лишь святые или герои на равных бьются с сильнейшими из них. Однако даже могущественнейшие слуги Зла уязвимы к голосу храмов, и даже ужасающая власть их хозяев–демонов не спасает, когда благословленные должным образом колокола развеивают смрадную власть Дьявола.

Видится мне, что Господь в мудрости своей зачем-то посчитал необходимым допустить это ужасающее испытание, что переживает Мир. Ибо без столь важного дара Его, Зло способно было бы с легкостью смести человечество.

Однако уверен я, опасней всего для нас человеческая же гордыня, что не дает роду людскому объединить усилия и изыскать способ сокрушить Тьму. Именно гордыня и властолюбие правителей – вот величайшее испытание, что предстоит преодолеть добрым христианам, чтобы не просто уцелеть, а победить в этой битве...

Не смотря на все попытки умерить голос, стоило священнику чуть увлечься, и слова его начинали грохотать, отражаясь от высоких каменных сводов герцогской спальни. Словно и впрямь обличая лично бургундского правителя в том, что Тьма отняла у рода людского власть над большей частью земель, и едва не заставила вообще впасть в ничтожество.

Да, умение, выработанное за несколько десятилетий ежедневных служб и увещаний, позволяло наполнять голосом куда как немаленькие храмы, что ему была комнатуха двадцать на двадцать шагов? В некоторые моменты казалось, что высокие замковые потолки и вовсе были придуманы лишь для того, чтобы удваивать весомость даже самых простых слов священника.

Голос аббата давил, да и сами обвинения были не совсем беспочвенны, и это явно раздражало герцога:

– Отче, мы же с вами помним, что пусть сила Святого Амиэля* и была велика, но тексты его – лишь сборники очевидных банальностей! Прости меня, Господи! Ни он сам при жизни, ни мы даже спустя годы ведь так и не знаем, почему на нас обрушились все эти неисчислимые беды? Кто или что распахнуло двери нашего мира демонам? Так что переходите уже к наставлению, святой отец! Хотя я, конечно же, догадываюсь, о чем оно будет... – герцог дал знак слуге, что он может начать снаряжать его в дорогу.

– Дорогу открыли грехи и злодеяния людские... – строго ответил священник.

Но к своим годам аббат давно уже утерял желание лукавить, а возможность по-отечески наставлять одного из самых могущественных герцогов в Европе он, конечно же, ценил, и потому попытался смягчить невольную логику своих слов:

– ...Ваша Светлость, простите мне мою прямолинейность, но по городу бродят слухи, что Вы решили все же порвать со своим старшим родственником... – аббат выжидательно замолчал, давая возможность высказаться своему могущественному подопечному.

Никакие определенные слухи на эту тему не бродили, но нынешнему королю Франции – Карлу VI де Валуа, на дворцовых приемах прозываемому «Возлюбленным», а в тавернах и на площадях «Безумным» – было лишь 34 года. Дижонскому владыке Филиппу II он приходился родным племянником, старшим родственником и сюзереном.

Формально, конечно. Сейчас, даже внутри одного графства, если владелец какого-либо замка решал не подчиняться, заставить его было весьма проблематично. Но факт – оставался фактом: глупец-племянник все равно считался его «господином», и такой расклад искренне раздражал старого герцога. Пусть он при этом и прекрасно осознавал, что обращать внимание на это по нынешним временам, мягко говоря, неразумно.

Из-за этого последние слова священника вызывали в нем чувство неловкости и гнева одновременно. Ведь герцог и в самом деле уже некоторое время прошупывал своих самых влиятельных вассалов на эту тему. Не в прямую, но умному человеку достаточно и намек. А учитывая, что определить кто же именно поделился своими догадками с аббатом вряд ли было возможно, это давало дополнительный повод для раздражения.

За время небольшой речи сам он успел багроветь, а его полное одутловатое тело затвердело, герцог замер готовый взорваться, и чем дьявол не шутит – может и окончательно рассориться со своим духовником. Обязанности старого аббата по наставлению и раньше вынуждали его говорить не самые приятные вещи, поэтому такой вопрос нет-нет, а возникал. Чаще всего подспудно, но вполне ощутимо...

Однако нет, слава Господу и сегодня оба они удержались от окончательного разрыва. Прелат сумел вовремя остановиться и не перешел к прямым обвинениям, герцогу же хватило сил проявить пусть не внешнее, но хотя бы «словесное» смирение, никак не прокомментировав подозрения священника.

Некоторое время в полной тишине был слышен лишь треск горящих свечей да прерывистое дыхание двух главных действующих лиц. Оба они выглядели, словно после долгого бега. Только многие годы назад потерявший юношескую стройность Филипп II Смелый, не зря прозываемый чернью «Толстым», от волнения раскраснелся, а по-стариковски сухощавый аббат наоборот, еще больше побледнел. Он же сумел и первым взять себя в руки.

Меньше чем через пару минут после возникновения этой неловкой и напряженной паузы, священник снова заговорил, и в последующие полчаса прочитал все необходимые молитвы, совершил все положенные ритуалы и таинства, среди прочего причастив и подобающим образом благословив герцога, его ближайших вассалов и слуг.

* * *

Завершив, таким образом, воскресную мессу, аббат потратил еще пару секунд на то, чтобы закрыть библию и – позволив своему крепкому, скорее даже массивному слуге начать убирать ее вместе с остальными принесенными с собой вещами в сумку – а сам снова обра-

тился к герцогу. На этот раз, правда, всем своим видом подчеркивая, что доволен мессой и настроен весьма доброжелательно.

Священник полностью сменил тон, всячески подчеркивая, что наставление закончено, а они могут немного «поболтать». Пока есть время, как два неглупых и, не смотря ни на что, уважающих друг друга человека:

– Ваша Светлость, я так понимаю, что некие по-особому важные дела гонят Вас сегодня в путь?

К этому времени герцог давно уже полностью пришел в себя, даже его лицо успело вернуть себе привычную расцветку, поэтому он охотно поддержал этот не имеющий никакого отношения к вере, но очень важный ритуал. Его люди должны были однозначно увидеть, что между ним и аббатством по-прежнему все прекрасно.

Герцог отхлебнул за мгновение до этого поданный лечебный настой, на секунду задумался, наверное, взвешивая, насколько может быть откровенен и заговорил, решив вообще ни о чем не умалчивать. Вместо светски нейтральной маски его лицо разом постарело лет на десять.

– Возможно, Вы еще не слышали, но я потерял замок, а вместе с ним и весь небольшой, но довольно преуспевающий анклав на нашей северной границе. Все что оставалось от графства Бриенн. Теперь, не считая нескольких синьорий в бывшем графстве Лангр лежащих куда южнее, на территории Шампани у меня осталось лишь небольшое пограничное баронство, а значит, сейчас мы совершенно открыты для набегов оттуда. Будь то слуги кого-то из прибрежных демонов, будь то вообще кто угодно...

Даже самым юным из присутствующих не нужно было напоминать, что не все Зло имеет конкретного хозяина, упоминание которого осуждается даже в ругательствах, и что немалое число вполне обычных людей в нынешние времена творят беззаконие мало чем отличающее их от орков, волколаков или, прости Господи, троллей.

– Крестьяне по нашим крайним баронствам на севере теперь надолго забудут, что такое спокойный сон. Мы их предупредили, конечно, но уверен, эти болваны пока не очень понимают, что именно изменилось. К сожалению, скоро они осознают разницу между мелкими налетами лишь ради пропитания, и деятельным Злом, направляемым изощренным умом какого-нибудь демона или пусть даже одного из его слуг. Торговые пути по Сене и Марне тоже станут куда опаснее, чем раньше, а значит и товары, что поступают по ним, подорожают. Но по-настоящему плохо не то, что укрепление потеряно – случалось ведь такое и раньше, собственно, последние сто лет мы только и делаем, что отступаем. Особенно ужасно то, «как именно» это произошло!

Властитель прервался, снова решая не увлекся ли он с откровенностью, но священник не произнес ни слова и, так ничего и не решив, герцог все-таки продолжил.

– Замок Бриенн сдала сама графиня, дьявол ее побери! – немного смутившись, он перекрестился и продолжил вываливать подробности. – После смерти мужа она правила, как временная блюстительница владения, пока ее 9-летний сын и наследник не смог бы вступить в свои права. Но стоило врагам всерьез подступить, и она тут же сбежала с любовником, выкупив свободу душами немногих уцелевших вассалов, пейза и замкового священника. Сбежала раньше, чем были исчерпаны не то что все возможности обороны, а фактически вообще до осады! Понимая свою вину, она не торопилась известить меня, – герцог побагровел, сделал паузу и буквально взорвался от гнева. – Хотя «сбежала» эта шлюха все-таки в Дижон, но очень медленно и, по словам слуг, буквально «не сдвигая ног» до самого города! И это пока ее людей ели, а сам замок обживала Тьма!

– Ваше Сиятельство, церковь может что-то сделать в этой ситуации? – с сочувствием уточнил аббат, прекрасно понимавший новые расклады.

– Нет, время упущено и «отыграть» назад без очень большой крови уже не получится! Да и организовывать большой поход сейчас, – поморщился герцог, словно от зубной боли, – это все очень не ко времени, поэтому я и вынужден срочно ехать на нашу новую границу, смотреть на месте и делать все что смогу, чтобы укрепить ее... Что касается помощи, то наша новая крепость на север построена вокруг местной церкви Святого Петра. Уцелело там всего пару семей крестьян, но священник есть, и он не лишен ни соответствующего дара, ни умения, ни – что немаловажно – решимости. Так что в этот раз отдельных просьб к нашей Матери Церкви у меня, как ни странно, нет, – улыбнулся Филипп II, и аббат ответил ему понимающей улыбкой.

Действительно, с тех пор как окончательно подтвердилось, что Господь и впрямь благословляет хотя бы малой толикой силы каждого выученного и рукоположенного священника, а не только святых (пусть и, предъявляя к священникам куда более строгие требования, чем раньше), участие церкви в делах военных стало делом куда как востребованным и фактически обязательным.

Поэтому ситуация, в которой герцог на предложение помощи мог ответить, что нет мол, она не нужна, все и так нормально – была и в самом деле удивительно редкой. При обычном развитии событий властителю пришлось бы ощутимо потратиться, чтобы к его просьбе отнеслись с необходимым вниманием. И пусть твердой таксы на эту тему в местной епархии не существовало, дешево отделаться у него точно не получилось бы.

В аббатстве Сен-Бенин как раз и готовили служителей «для службы» на стороне, и подобные переговоры герцог со своим духовником вели не раз и не два, а потому доброжелательные и одновременно понимающие улыбки на их лицах появились практически синхронно.

Медведеобразный служка прелата в это время успел собрать все принесенное для мессы и аккуратно выдвинулся так, чтобы господин мог его рассмотреть.

Со всем доступным при его статях смирением, он стал изображать свою полную готовность. Ни в коем случае не торопя аббата, но и одновременно давая ему, благовидный предлог покинуть замок, если разговор с герцогом он посчитает для себя исчерпанным. Но как оказалось, до этого было еще далеко:

– Ваша Светлость, судя по всему для гарнизона крепости, конечно же, будет нанят и кто-то из Академии? – в голосе аббата звучало скорее утверждение, чем вопрос, но это и не удивительно: изменения, произошедшие в военном деле за последние сто лет, давно уже стали чем-то привычным, и даже, наверное, традиционным.

– Да... – осторожно подтвердил Филипп II, сейчас и в самом деле не совсем понимавший, куда клонит его духовник.

– Если Вы еще не успели согласовать имя мага, что наймете для этой компании, то хочу дать дружеский совет; дождавшись еще одного осторожного кивка, прелат продолжил. – Вы же, наверное, слышали о нынешнем личном ученике архимага? Очень живом таком, и подающем немалые надежды юноше, которого два года назад приняли сразу на вторую ученическую ступень? Из баварских Бабенбергов...

Уловив момент, когда складки непонимания на лице герцога разгладились – о маге-ученике из такого могущественного германского рода герцог, естественно, не мог не знать – священник удовлетворенно улыбнулся и сообщил:

– Буквально на днях юноша вернулся из своего Поиска и подтвердил большую часть надежд. Вы же помните их правила? Когда соискатель желает не просто получить звание «мага», а остаться в Академии, и быть принятым в число полноправных магистров... То на последней ученической ступени он специализируется не в чтении лекций и прочем разном, а быстренько прослушав формальные дисциплины, набирает отряд по средствам и отправляется в личный поиск. Пытается совершить подвиг на благо сообщества... Так вот, за одну зиму ему удалось или совершить, или как минимум организовать и ли поучаствовать **в четырех** таких деяния!

Дижонская Академия заслужено считалась одной из сильнейших в Европе и не учитывать ее в любых своих расчетах герцог не мог. Тем более что на глазах был пример, когда гильдия магии в Любеке вступила в слишком тесный союз с местными купцами, и дала отворот местному графу, заявив, что справятся они с защитой города и без его помощи. Ну и, соответственно, и с тратой местных налогов. Поэтому правитель, безусловно, знал обо всех основных особенностях в организации дижонской гильдии.

Удовлетворенно откинувшись в своем кресле, аббат взял паузу, искренне наслаждаясь произведенным эффектом, и всем своим видом показывая, что ждет вопросов.

– Гм, Святой Отец, располагаете ли Вы какими-либо подробностями этих ...деяний?

– О, о двух из них уже треплются все пьяницы в городском порту! Их просветили матросы с барка «Святой Герман», на котором отряд Вальдемара вернулся в город. И к слову – матросы не просто «слыхали» об этом, а были непосредственными участниками двух из подвигов.

– С интересом бы выслушал этот треп... – герцог бросил недовольный взгляд на своего круглолицего личного цирюльника, подтверждая слухи о том, что следит толстяк за порядком не только на лице своего господина.

– Команда «Святого Германа» зимовала в городке Бон-сюр-Сон, не успев вернуться в Дижон до становления льда. Если отбросить все хвостовство, то некоторое время назад тамошний городской совет нанял их, чтобы доставить отряд юного лиценциата к небольшому острову вверх по течению, путь к которому как раз успел вскрыться. Это известное место – неосторожные путешественники часто пропадали там вот уже лет двадцать, но кто тому виной – выяснить все не удавалось. Не успев прибыть туда, и это я говорю «буквально», люди Вальдемара выяснили кто тому виновник, и уже к вечеру ...решили застарелую проблему, в сущности, не понеся никаких потерь, – развел руками прелат.

– И кто или что это было? – с интересом уточнил герцог.

– Крупное гнездо «земляных драконов». Старая матка – так называемая «королева» – и не меньше двух десятков ее выводка. Еще лет пять-семь, они достигли бы зрелости, после чего – боюсь, Сона стала бы слишком опасной для регулярного судоходства. Фактически непроходимой без серьезных совместных усилий с нашей стороны, – священник изобразил руками круг, подчеркивая, что имеет в виду весь Дижон, включая магов, Церковь и самого герцога, вместе с местным отделением торговой гильдии.

Правитель недоверчиво повел бровью.

– Матросы вовсю торгуют свежедобытыми пластинами из панцирей именно «земляных драконов», а в гильдии оружейников подтвердили, как их качество, так и предположительный возраст тварей! – заверил аббат. – Вести из города мы планируем получить чуть позже, когда река окончательно очистится ото льда.

– А каково второе ...событие, свидетелями которому были матросы?

– Владения вашего проклятого соседа с запада – да, я имею в виду Маргота (будь проклято его имя) – стали вакантными! – в оглушительной тишине сообщил священник. – Демон смог ворваться в Бон, и пока наш юный лиценциат вместе с тамошним кюре пытался сдерживать его натиск, тварь прикончил один из нанятых им людей. Кстати, тот же самый, что в одиночку справился с драконьей «королевой» днем ранее!

– Святой Отец, что за неизвестного мне святого подвижника вы поминаете, рассказывая об этих подвигах?

– По словам Вальдемара, он нанял этого юношу там же в городе. К сожалению, отец-дворянин не успел признать своего единственного сына, погибнув буквально накануне его рождения, и вот уже сам несчастный юноша едва не расстался с жизнью, совершая во славу Господа их четвертое деяние, – перекрестился аббат. – Наши герои не позволили запустить свою лапу в бресские болота тому, кого мы знаем по имени «Повелитель Оркус». Хотя при нашем с вами попустительстве он и сумел найти там себе последователей...

– А чьим сыном мог быть этот юный герой? – явно заинтересовался герцог, хорошо знавший окрестную знать.

– Простите Ваша Светлость, но тайна исповеди...

– О, как жаль! – вполне искренне расстроился правитель, – я мог бы попробовать что-то сделать для бедняги...

– А вы и можете! – улыбнулся аббат.

– ...продолжайте!

– Это возвращает нас к началу разговора, – снова улыбнулся священник. – Мой совет состоит в том, что для гарнизона новой крепости Ваша Светлость будет искать кого-то в Академии не ниже чем из магистров второй, а может и первой ступени и обойдется ему это в целое состояние?

– Без всякого сомнения, – грустно признал герцог, поморщившись, словно от внезапной зубной боли.

– Могу поделиться с Вами новостью, что со вчерашнего дня в Академии появился новый магистр. Да, всего лишь третьей ступени, но по своим боевым умениям и силе, он вряд ли уступает большинству снобов второй ступени, и уж точно будет стоить Вам куда меньше, чем все остальные воины гарнизона. И самое главное: жизнь того несчастного героя о котором я упомянул, сейчас уже вне опасности, а его контракт с юным Бабенбергом – закончен. Однако как это нередко бывает, юноши сдружились и, пусть раненному понадобится некоторое время, чтобы прийти в себя, но если предложить ему должность одного из лейтенантов в новом гарнизоне, где магом будет его приятель...

Наконец-то соизволив заметить готовность своего служки уходить, аббат подхватился, обозначил легкий поклон, и зашагал к выходу из герцогской спальни. Последний вопрос правителя догнал его уже в дверях:

– Святой Отец, четвертый – это срыв планов того древнего италийского существа, а каким третьим подвигом отметилась героическая юность?

– Простите Ваше Сиятельство, но я этого не знаю. Мне «не доверили» эту тайну даже на исповеди, сославшись на соответствующие клятвы, – улыбнулся священник, – однако самый юный из магистров Академии заверил меня именем Господа, что дело было горячее, а юный Теодорих (это тот юноша, о котором я упоминал) и там отличился, совершив некоторые подвиги даже в одиночку...

– Спасибо, Отче! – задумчиво поблагодарил герцог.

* **Прелат** (от лат. [praelatus] поставленный выше) – исторический термин, применявшийся к кардиналам, архиепископам, епископам, генералам и провинциалам монашеских орденов, аббатам и другим лицам, занимающим высокие должности в структурах Римско-католической церкви. В Средние века к прелатам относились, в том числе настоятели кафедральных и коллегиальных церквей и некоторые другие каноники.

Аббат Александр де Монтегю – реальный исторический персонаж.

* **Пьер Амизель де Сарсенас** (1309-1389) – реальное историческое лицо, в 1350-1363 гг. действительно был настоятелем аббатства Сент-Бенин в Дижоне. Очень деятельный и умный человек – в нашем мире его карьера развивалась довольно удачно, и в истории священник остался одним из так называемых «псевдокардиналов». На Земле во второй половине XIV века в католическом мире случился Великий западный раскол, когда в некоторые моменты с 1378 по 1417 гг. одновременно существовало до трех римских Пап. Но в этом мире французские короли, как и любые другие человеческие правители, слишком большой власти набрать не смогли и Авиньонского пленения римских Пап просто не случилось, поэтому де Сарсенас (в отличие от своего земного альтер-эго) до самой смерти оставался в Дижоне и заслужено был удостоен канонизации под именем Святого Амизеля Дижонского.

Глава 2. Самый лучший день...

Западная часть Дижона – район Академии, полдень

(11 апреля 1402 года, тот же день)

Проснулся я совсем недавно, и что особенно приятно – без всякого принуждения со стороны. Разве что желудок достаточно откровенно намекал, что пора бы и пожрать, однако к полудню это не удивительно. Тем более в мои «здешние» четырнадцать.

Вообще есть в этом возрасте, по-моему, хочется почти всегда. Если ты не собираешь помереть от укуса «какой-нибудь» адской твари, конечно... Но сегодня третий день как меня «подлечили», поэтому прежний – «детский» – аппетит вернулся и, наверно, даже со всей своей сэкономленной силой.

Дорогу с болот я фактически не запомнил.

К этому моменту как раз по-настоящему начало таять, и по заледевавшему за ночь насту сани первые полдня скакали так, словно мы затеяли гонки на деревянной телеге да по брусчатке. Правда, ощущал так болезненно дорогу лишь я. И дело, конечно же, было в укусе Адского пса.

Когда я его проткнул своим измененным клинком и фактически пришил к месту, то прежде чем маг наконец-то сумел сконцентрировать на твари свои чары и изгнать, раздосадованная такой подставой она меня довольно крепко прихватила несколько раз. Успела как минимум дважды укусить за правый бок и один – за правую же руку.

Хорошо хоть кольчуга не позволила от меня чего-нибудь оторвать, но клыки сквозь нее все же прорвались, ну и занесли некую-то адскую же гадость. В итоге Вовкины усилия приносили лишь временное облегчение, раны не закрывались, и все это превращало лечение в довольно рискованную лотерею.

Только когда мы наконец-то прибыли домой, в Бон-сюр-Сон, приятель признался что, судя по всему, единственная возможность спасти мою жизнь прямо сейчас, это покалечить – отрезать воспалившуюся руку и изрядно покромсать почерневший бок... Возможно даже удалив одно или два ребра.

Но сделать такое – так нафиг тогда вообще жизнь? Поэтому он предложил рискнуть, и попробовать добраться в Дижон, где с помощью магического источника Академии брался почти наверняка выжечь заразу.

Правда, был еще нюанс.

Из-за адской инфекции организм совсем ослаб, и просто отказывался сопротивляться, остро реагируя буквально на все подряд. К этому моменту даже просто дорожная тряска меня убивала, так что если бы река простояла еще не две, а три недели – вряд ли меня удалось спасти даже в столице герцогства.

В общем, в Дижон мы рванули ради моего лечения, едва дождавшись вскрытия реки ото льда. Ну, по крайней мере, я-то точно, а вот у моего приятеля, естественно были и другие причины торопиться. Куда приятнее – лично-карьерные, так сказать!

Наши совместные подвиги с лихвой перекрывали все его потребности в «достижениях на благо Академии» и в итоге он даже умудрился, разом перепрыгнул через важную карьерную ступеньку. Теперь Вовка был не какой-то там «лицензиат» или маг. Прошу любить и жаловать – магистр Вальдемар фон Лаубен цу Бабенберг.

И пусть магистр пока только «третьей ступени»*, но до этой поездки в ближайшие лет пять-семь он о таком и мечтать не смел...

Кстати, двухэтажный дом Вальдемара в столице был первым увиденным в этом мире жильем, хоть сколько-то соответствовавшим моим прежним земным ожиданиям.

Нет, окончательное «решение» о переходе бывшая жена с хахалем мне, конечно же, «навязали», но это ничего не меняет. Идея-то меня и в самом деле изначально заинтересовала, а потому ту, небольшую борьбу между здравомыслием и мечтательностью, сейчас можно было бы и не учитывать. Ну и ждал-то я именно чего-то такого.

Просто если бы не доставшиеся мне отблески личности Дирка, для которого мир вокруг и в самом деле был привычен и уютен, то землянину Александру Кузнецову все прежде увиденное показалось бы очень бедным, местами даже убогим, и совершенно не стоящим риска.

При всей неопределенности статуса Дирка, память его однозначно твердила, что воспитывали парня как наследника-дворянина, и жила его семья до того нападения очень неплохо. Скорее – даже богато, но это по местным меркам, естественно. А вот вполне процветавшего жителя Подмосковья местная материальная культура ... скажем так, не впечатлила.

Например, комнату парня то нападение никак не затронуло, но при этом все, что в ней было – это тоненький гобелен со сценой охоты на стене у кровати, сама односпалка с несколькими одеялами, да сундук у другой стены со всем его откровенно небогатым гардеробом.

Да шерстяной коврик с оленем, помните тот – с толстым ворсом и бахромой, висящий чуть ли не в любой спальне еще во времена СССР – считался бы на фоне домашних интерьеров Дирка признаком баснословнейшего достатка! А вот доставшая мне по милости Вовки гостевая комната, выглядела тому советскому коврику прямо впору. И это не юмор, а вполне искреннее осознание ситуации!

В этом мире бархат или похожая на него ткань, ценилась очень высоко. Будь у меня сейчас штук сто таких «олений», я бы мог неплохо расторговаться, и даже местный герцог не побрезговал бы их пристроить на стены своего замка. Правда, его могла смутить потрясающая похожесть ковров друг на друга.

Ну да, в мире ручного труда даже два столь же похожих сапога у одного мастера еще попробуй, найди...

...В общем, почти четыре дня назад уже к вечеру, едва успев прибыть в Дижон, меня прямым ходом, пусть и без сознания доставили в Академию.

В пути я неплохо держался, но попытка осторожно выгрузить в порту мое тело не особо удалась. И совсем не из-за кривых рук команды «Святого Германа». Они меня воспринимали вполне по-свойски, и вроде как даже искренне сочувствовали, допуская худший итог, но к этому моменту я слишком уж ослаб из-за прогрессирующего воспаления.

Решив все формальности меньше чем за час, меня доставили в святая святых местной гильдии магов – к Источнику их независимости и процветания, а там – и в самом деле сумели помочь.

Я, правда, обо всем этом знаю лишь с чужих слов, но и по-юношески восторженный рассказ Арно и скупое одобрение Карла друг другу не противоречили. При всей своей непохожести, и Володькин щеголеватый слуга, и его громила-телохранитель сходились в том, что все получилось так удачно лишь благодаря личному расположению Архимага, у которого мой приятель получается и впрямь числился в доверенных людях.

Иначе «зачем бы главе Академии еще и участвовать в твоём исцелении лично?» – спрашивали они на разные голоса. Достаточно разумное предположение, но у меня самого, правда, имелись варианты и попроще.

Например, что такой инструмент, как магический Источник, всем подряд не доверишь, и управлять им – в принципе желательнее сильнейшему магу герцогства или кому-то другому, не уступающему ему в умении. А раз вот, есть он сам, то почему бы ему самому все необходимое и не проделать?!

Тем более и Вовка, рассказывая о своем повышении, вскользь упомянул, что отжатым осколком демонической души Архимаг «проапгрейдил» Источник прямо в вечер нашего при-

бытия. И это был, кстати, всего второй такой случай за почти полстолетия существования местной гильдии.

Но все это – дело уже прошлое.

После своего бессознательного посещения Академии, на следующий день я почти полностью пришел в себя, а к вечеру даже осознал, что юн, герой, и вишенка на торте – как мужчина очень даже востребован.

Уже второй день я искренне наслаждался Вовкиным гостеприимством.

* * *

Небольшой особняк приятеля был расположен внутри городских стен, в одном из трех самых престижных районов Дижона. Естественно, рядом с Академией, но я обо всем этом пока знал только с чужих слов.

Из местных достопримечательностей своими глазами у меня пока получалось рассмотреть только часть канала, в который заключили реку Сюзон, делившую столицу герцогства на две неровные половины.

Правда, плотная стена соседних домов не давала рассмотреть что-нибудь вдалеке, но позволяла полюбоваться с балкона над главным залом на несколько метров каменной кладки и часто проплывающие мимо лодки горожан.

Крутилась мысль глянуть на это вблизи, но прямо сейчас мне в целом было не до прогулок, да и просто не тянуло покидать выделенные гостевые покои. Гм, по очень разнообразным причинам...

Выделенные мне «покои» – по земным меркам это звучит, возможно, несколько излишне претенциозно, но в сравнении с личной комнатухой Дирка или даже спальней его матери в их собственном городском поместье в Бон-сюр-Сон – впечатляли.

Апартаменты включали в себя две смежные комнаты. Основная – была чем-то вроде гибрида спальни с гостиной, а вторая – дальняя – задумывалась то ли как гардероб, то ли как хранилище, с собственным врезным замком.

Учитывая, что это была вообще, по-моему, одна из трех или четырех запирающихся дверей в двухэтажном доме, думаю, весь возможный почет своим гостям Вальдемар оказывал по наивысшему разряду. Все-таки в некоторых дворянских замках так не запирались даже сокровищница. В это время большинство и правда, обходилось какими-нибудь недорогими «секретными» задвижками...

В просторной спальне почти половину комнаты занимала добротная двуспалка с балдахинном, а остальное место между собой делил целый набор приятного вида резной мебели – невысокий стол, несколько таких же приятного вила кресел вокруг него, ну и пара сундуков в аналогичном стиле. Хранить в них крупу и вообще что-то сыпучее я бы не стал, но для запасных одеял, простыней и скатерок – все подходило в самый раз.

Чьи-то заботливые руки догадались даже переложить вещи небольшими мешочками с пахучими сушеными травами, поэтому у пустовавшей в ожидании гостей комнаты – как минимум с осени – вот совершенно не было ощущения покинутости. Правда, может дело и в том, что занесли меня сюда без сознания...

Наутро после исцеления я проснулся пусть и не в лучшей форме, однако, полный сил и энтузиазма. Ну и тут же, скажем так, с очень приятным удивлением обнаружил у своей кровати не зевающего Арно, а «почетный караул» из двух сменяющих друг друга молоденьких служанок.

Смешливые хохотуни одним своим присутствием даже завязанного мизантропа убедят, что жизнь прекрасна. А уже к обеду даже настоящему Дирку стало бы понятно, что одна из них недвусмысленно наметилась лечь с ним. Так что до недостатков ли мне было? Естественно, наоборот!

Тут-то я и осознал со всей очевидностью, что в восторге от Дижона, и для этого мне даже совсем не обязательно по нему бродить. Да и потраченное накануне последнее «Зелье жизни» из нашей добычи, как оказалось наконец-то начало полноценно действовать, и уже к вечеру я с удивлением осознал, что и впрямь «достаточно» здоров.

Так что закончил я вчерашний день не без неудобств, но чего Бога гневить – наилучшим из возможных вариантов. Не менее приятным было и пробуждение.

На доставшемся мне «сексодроме» в этот момент я вольготно раскинулся во весь рост, закинув руки за голову. Волны удовольствия накатывали одна за другой, мышц были напряжены, а прерывистое дыхание с едва слышными всхлипами металось туда-сюда. Казалось, оно покидало-покидало, но все никак не могло покинуть грудь.

– Господин, я все правильно делаю?

– Ох, женщина, – вздрогнул я, – все потом, и только не останавливайся!

– ...но я ведь...

– Вот же... – протяжно застонал я.

Вытянувшись еще сильнее, хотя секунду назад казалось, что куда уж больше, и несколько раз вздрогнув всем телом, и наконец-то полностью расслабился.

Еще на минуту или две я полностью ушел в себя, полностью игнорируя внешние звуки, а когда все-таки пришел в себя, глубоко вздохнул, и неожиданно даже для себя выдал:

– Фло (1), милая, ты заглотила целую кучу честно заработанного серебра. За него умерло немало народу, и пусть большинство из них были так себе людишки, и даже не христиане, но все ж живые существа! Имей к ним уважение, и постарайся в следующий раз сделать так, чтобы я хотел повторить, а не взять табурет, и вбить чью-нибудь голову в плечи... И слушай, хватит уже кусаться, дьявол тебя побери, все пока закончено... – обида была такая по-детски искренняя, что я с изумлением вдруг осознал, что и в самом деле забыл, какая она настоящая юность, и чем именно отличается от осведомленной и немало испытавшей, а потому куда более сдержанной зрелости.

(1) Флоранс (от лат. [florens] цветущий, процветающий) – французское женское имя, Фло – его уменьш. форма.

«...Вот ведь, блин...» – хмыкнул я про себя. Мысль получилась, может и короткой, но все же потрясающе емкой, сконцентрировав в себе все мое недоумение.

Еще немного спустя, осознав, что вроде как снова почти разумен, я решил попробовать как-то затереть в памяти девушки этот взрыв. Все-таки чертовски не хотелось бы портить сложившееся взаимопонимание:

– Милая, принеси вина? Кажется, я просто умираю от жажды, – странно, но и улыбка и голос у меня получились и в самом деле почти естественными.

Несколько раз всхлипнув – и явно больше по инерции, чем и впрямь от горькой обиды – Флоранс просияла, и уже через мгновение каждый из нас смог спрятать взгляд в кубке красного вина.

«...Вот ведь, блин...» – подумал я уже второй раз подряд. И на этот раз это была вполне себе взрослая мнительность.

Выглядело все так, словно своих служанок Вовка подбирал именно по экстерьеру. И в итоге у него получилось даже лучше, чем хотелось. Горничные и в самом деле удачно оттеняли не только внешность, но, пожалуй, и характеры друг друга.

Флоранс – невысокая, но очень живая, подвижная брюнетка лет шестнадцати с тонкими чертами лица. И ей для контраста – рослая, для средневековой девчонки (почти с меня ростом – около 1,75 м), блондинка по имени Бланка (2) с размеренными движениями и мягкой, словно бы постоянно смущенной улыбкой.

(2) Бланка (фр. [blanche] белый, чистый) – французское женское имя, вторая молодая служанка в доме Вальдемара.

Вторая девушка была чуть постарше, лет может девятнадцати или даже двадцати, и в целом куда ближе к тому, что можно было бы назвать «на мой вкус». Но чудом избежав смерти или инвалидности, вникать – а правда ли, она тоже совсем «не против», или это просто улыбочивая и доброжелательная юность в человеке блеснит – мне было прямо вот совсем не к стати.

Особенно рядом с Фло, которая прямо копытом била, показывая, что готова, и вообще – жаждет. Так что выбор оказался, конечно же, очевиден. Но прежде чем все завертелось, приятель посвятил меня в парочку нюансов.

Первый – состоял в том, что Бланку, как и Арно, он привез с собой из Баварии. И хотя изначальные имена у них звучали несколько иначе, но возвращаться назад к родне он не планирует, поэтому и придумал «офранцузить» слуг, на будущее. Для их же удобства.

На прямой вопрос по поводу ревности и прочего, Вовка признался, кое-что у них иногда бывает, конечно, но если мне «горит», то никаких проблем нет, договаривайся. У него это большей частью лень, а не страсть. «Просто удобно...» – вполне откровенно признался приятель.

А вот что касается Флоранс, то тут все было куда интереснее.

Как оказалось, ее Вальдемару подарил наставник в честь первых успехов и заслуг. Когда собственно и стал его наставником.

И слово «подарил» – он выделил настолько, что даже у кого-нибудь совсем тупого не осталось бы сомнений, что чернявая присматривает за любимцем Архимага, и если она вдруг «загорелась» прыгнуть в кровать к гостю, то очень уж вряд ли дело в похоти.

«...Хотя ты и красавец-парень, конечно, но...» – не упустил возможности подколоть Вовка и, свернув разговор, посоветовал следить за тем, что болтаю. – «Будь уверен, девчонка совсем не дура, а о твоём происхождении, мне кажется, Его Могуществу лучше не знать. Вроде и ничего страшного, но то о чем не знаешь, вроде как и не беспокоит...»

В общем, ссориться с девчонкой не было никакого смысла.

Я бы и так не стал, все-таки мне было далеко не четырнадцать, ну и раз у человека работа, то было бы совсем несправедливо довести ее до ненависти к служебным обязанностям. Сейчас-то явно все идет по взаимному удовольствию.

* * *

В общем, мы поддали винца, но едва снова что-то завертелось, как в комнату ворвался магистр Вальдемар.

– Ого, какой ты изысканный сластолюбец, братец, – хмыкнул он, рассмотрев все в подробностях. – Уважа-а-аю!

Гада хотелось ударить, но это е был Вовка:

– Как будто ты не знаешь, что два ребра у меня все еще не в порядке, и даже перевернуться на бок проблема, – ответил я максимально ровно, но внутренне закипая.

И на этот раз недоволен был именно землянин. Дирк, если бы он все еще оставался в теле, наверное, и не понял бы причины моего недовольства.

– Скажи, мой дорогой гость, добрый ли ты христианин? – ошарашил хозяин, прежде чем я успел хоть как-то высказаться по поводу такого неуважения к приватности гостей и самой манере врываться.

– Обидны мне, сударь, твои слова... – сообщил я с задумчивой улыбкой, мгновенно переключившись со спонтанных обид, на смутные подозрения.

Если приятель начинал с откровенного наезда, значит, ему зачем-то нужна была моя лояльность. В нашем детстве, и тем более юности, это всегда выливалось в какую-нибудь шалость или даже сумасбродную глупость. Но здесь-то мы, не смотря на возраст, считались далеко не детьми, поэтому ставки могли оказаться куда весомее.

– Мой здешний приход не относится к монастырю, но в пятницу я попал туда на службу, по служебным делам, – скаламбурил Вовка, – ну и заодно исповедался. Так аббат Монтегю,

которому я не мог в процессе не упомянуть твой беззаветный героизм на благо Господа и Его Церкви, настоятельно приглашал тебя к воскресной мессе.

– Подожди, сегодня же воскресенье, месса с утра, а вот вроде недавно уже били полуденные колокола... – несколько растерялся я.

– О, как мило! – явно издевался Вальдемар, – ну вот, теперь я убедился, что ты добрый христианин и как минимум знаешь, что сегодня день «божий» – праздничный. В честь всей этой радости приглашаю тебя на небольшую прогулку! Тут неподалеку запекают изумительного ягненка с чесноком, и хотя ты, конечно же, все еще болен, но как-нибудь до хромаешь! Хотя подожди, с ногами-то у тебя все нормально? Жду тебя внизу минуты через три, ну или четыре... – намекая заржав, он так же стремительно удалился, явно не ожидая отказа.

«...Ага, этому гаду и впрямь что-то от меня нужно! Ну, хоть пожру нормально, а то любовь юных дев, прошлогодние яблоки и вино – штука, безусловно, увлекательная, но калории от такой диеты в организме только убывают...» – подумал я, впрочем, скорее с энтузиазмом, чем неодобрительно.

Все-таки физическая молодость – потрясающая вещь!

* **О структуре гильдии магов** Дижона более подробно можно узнать в *Приложение 2*.

Глава 3. Прогулка

Дижон, после полудня

(11 апреля 1402 года, *тот же день*)

От взятого и даже немного пограбленного нами замка Бирьё на бресских болотах до Дижона, было не больше 150-160 км. Но это по прямой, конечно. С сухопутным путешествием в родной город и плаванием – сначала по величественной Соне, а потом и по куда более скромному Ушу – получилось, естественно, больше. И хотя запомнил я далеко не всю дорогу, но обещанные приятелем 350-400 метров до места, где тот твердо пообещал накормить отличным обедом, уж точно не могли меня испугать.

Не смотря на почти откровенное «принуждение и шантаж», на прогулку я выбрался в приподнятом настроении и, наверное, даже с энтузиазмом. Двое суток в закрытом помещении со скудной диетой – это все-таки не самый привлекательный образ жизни, даже с учетом приятных нюансов «заклочения».

Ну и едва покинув гостеприимный особняк, тут же начал перебирать, что сохранилось в памяти из событий трехдневной давности, да и вообще – что знаю о местной географии. Получилось не так уж мало.

Например, Дирк знал, что в узком канале рядом с жильем мага протекает Сюзон.

Это была и в самом деле небольшая речушка, рождающаяся где-то неподалеку, чтобы прямо через город скатиться в один из притоков Соны и уже вместе с ее водами попасть сначала в Рону, а потом и в Средиземное море.

К каналу мы подошли в первую очередь, конечно же, просто потому, что это было по пути. Но Вовка тут же принялся выдавать что знал. Тем более я был не против задержаться в Дижоне, поэтому разговор был действительно полезен.

По словам приятеля между так называемой «дижонской» гаванью, которую я хоть немного, но запомнил и, собственно, городом, был почти десяток километров. Правда, фермы, сады и укрепленные поместья местной знати шли так плотно, что издалека это не разберешь.

– Здешняя гавань – это на самом деле всего лишь небольшой речной разлив реки Уш – эдакое удачно приспособленное «озерцо» что ли, – хмыкнул Вальдемар. – Сама река берет начало в расположенном на западе и северо-западе от Дижона плато Лангр, и впадает в твою родную Сону. Вот местные и использовали этот факт, чтоб поступающие в город товары дальше в Италию, или Испанию могли отправляться морем. Ну и наоборот... Точно не скажу, но транспортировка водой раз в десять дешевле, чем сухопутными караванами. И может быть даже еще выгоднее...

– Надо же, мне казалось, я точно видел купола вашего кафедрального собора, – задумчиво пробормотал я, засмотревшись на поток и, как-то неожиданно для себя попытавшись попасть плевком в проплывающую мимо дохлую крысу. – Блин...

Расхохотавшись по поводу моего смущенного вида, Вовка залихватски подмигнул, и – тоже плевком – легко попал в проплывающий мимо пучок мусора. Тот был похож на плот, и даже с матросами-муравьями на борту. Но порадоваться снайперской меткости товарища не получилось.

– Здравствуйте, Вальдемар, примите наши поздравления с приемом в Академию и заслуженным высоким званием! – неожиданно раздавшийся за спиной строгий женский голос заставил мага замереть с настолько растерянно-глупым видом, что только чудом мне удалось подавить в себе оскорбительный хохот.

– Мессир Лаубен, – поприветствовал его кто-то мелодичным голосом.

Второй голос тоже был женским, но куда более юным, и просто переполненным едва сдерживаемым смехом. Очевидно, обе дамы хорошо рассмотрели харкающего в канал, словно беспризорник какой-то, магистра.

Выпрямившись, Вальдемар удрученно закатил глаза, изобразив что-то похожее на «ну вот откуда они взялись тут, етить их колотить...» и лишь после этого с выражением живейшего почтения на лице обернулся к горожанкам.

– Мадам Бове, милейшая Мадлен, как же я рад вас видеть...

Дальнейший разговор по уровню приторности, подозреваю, мог бы заклеить задницу даже какому-нибудь мифическому дракону. А уж мелкоте вроде виденной на болотах виверны, уже через пару минут гарантировалась пожизненная анальная непроходимость. При этом меня никто поучаствовать в разговоре не приглашал. Это было немного обидно, зато я мог, совершенно не скрываясь, глазеть на Вовкиных собеседниц.

Старшая, судя по следам былой красоты и особенностям экстерьера, приходилась смешливой мадмуазель матерью. Лет сорока, может чуть старше, практически ровесница. Со мной земным... Каким-то образом она умудрялась совмещать на лице одновременно брезгливое и вполне уважительное выражение. Без помощи магии такое, безусловно, не провернешь. Ну, мне – так точно не справиться бы. А вот дочь была – само очарование!

Уже с первого взгляда становилось очевидно, что дело тут было не в миленьком личике, довольно обыденных вторичных половых признаков или в каких-нибудь других чисто внешних особенностях. Шатенкам ведь вообще непросто приходится, если они собрались выглядеть ярко. Секрет крылся в какой-то особой внутренней притягательности...

Просто вот эта манера скидывать голову и проникновенно смотреть в глаза собеседнику, когда она изображает обиду или удивление; умение как-то особенно умилительно опускать взгляд и, кажется даже капельку краснеть, если нужно изобразить смущение – все это отчего-то рождало в сердце любого мужчины уверенность в получении какого-то тайного и очень приятного обещания.

«...Вот ведь, чертовка! Работает по площадям, но ведь попадает же...» – пробормотал я, почувствовав, как и сам смущаюсь от вот такого, случайно доставшегося мне шального выстрела.

В это время от поздравлений, разговор как-то очень быстро перешел к совсем нешуточному допросу на животрепещущую тему: почему это уважаемый Вальдемар никак не соберется жениться. Судя по всему, происходило такое не впервые.

Лишь минут через двадцать мадам Бове наконец-то позволила Вовке убедить себя, что тот сам мечтает об этом, и только строгость какого-то дядюшки мешает прямо вот сейчас посвататься, например, к очаровательной Мадлен.

Когда дамы скрылись в соседнем доме, а облегченные поклоны приятеля стали случаться чуточку пореже, решил подать хотя бы одну за последние полчаса реплику:

– Слушай, вот она тебя прижучила, просто приятно посмотреть, – мстительно сообщил я. – Кстати, а чего ты сопротивляешься? Дочка у нее такая ...прямо – ух! Я бы может даже отдался в эти тонкие ручки...

– Э-эх, стыдно тебе должно быть! Стоял тут, хрюкал да хихикал... Нет чтобы покончить с собой, можно даже не взаправду. Я бы кинулся тебя спасать, и смог бы на законных основаниях наконец-то прервать эту сатанинскую пытку! А еще друг называется...

Шутил приятель и в самом деле как-то устало, поэтому я решил сменить тему.

– Кстати, а чего это ты меня не представил? Я бы может и впрямь приударил за малюткой Мадлен. Ну, хотя бы чуть отвлек мамашу...

– А в качестве кого ты бы хотел? – немного замешкался Вальдемар. – Понимаешь, в Бургундии твоего здешнего отца ...не любили. Герцогу пофиг, он руководствуется интересами

власти и смотрит, полезен ты ему или наоборот. А вот многих других все это, скажем так, потревожит. К чему нам сейчас лишние проблемы?

Удивленный, если не сказать больше, я просто не нашел что ответить, но вот это Вовкино «нам», отметил.

«...Интересно, хоть кто-нибудь кроме меня здесь есть, чтоб был абсолютно не в курсе дела о чем речь? Одному просто как-то неловко уже...»

* * *

Не знаю почему, но мне очень не хотелось признаваться в своих проблемах с памятью. Даже Вовке, которого я знал, считай всю жизнь. Да, друзья нужны чтобы иногда обсудить с ними вообще что угодно, и даже по-трезвому, но все равно оставался какой-то внутренний стопор.

Думаю, это был отзвук каких-то детских травм юного Дирка-Теодориха, и меня одолевала мысль, что не совсем правильно топтаться по ним вот так, с налета. Было в этом что-то и в самом деле не совсем верное. Так что вместо откровенного разговора о наболевшем мы все-таки пересекли канал, и зашагали в центральную часть города.

Народу здесь стало попадаться куда больше, а начавший приходить в себя после вероломной атаки семьи Бове Вовка вернулся к теме географии. Правда, плотная городская застройка не позволяла рассмотреть хоть что-то из того, о чем он рассказывал, поэтому приятелю приходилось стараться и многословно живописать, вместо того, чтоб просто ткнуть пальцем.

В какой-то момент он не выдержал и предложил прогуляться, заверив, что это нас задержит не больше чем не так уж надолго...

Минут пятнадцать мы петляли по каким-то узким переулкам совсем не в ту сторону, куда шли изначально, и вот стоим у огромного храма.

Недолгие переговоры с монахом у неприметной двери в стороне от главного входа, и еще через пару минут пролет за пролетом мы бредем вверх. Думаю, несколько серебряных монет из кармана приятеля, исчезнувшие в складках рясы привратника, вряд ли решили бы этот вопрос. Просто Вовку здесь знали.

«...Вполне возможно раньше этот хмырь водил сюда девиц, а теперь испортит репутацию мне. При том худшим из всех возможных способом...» – думал я еще минут через пять, пытаюсь хотя бы с помощью насмешек взбодрить тело, совершенно не желающее всех этих трудностей.

Идти было и впрямь утомительно, но вот мы и наверху.

Столица герцогства открылась мне как-то сразу и вдруг. И естественно, по провинциальной постсоветской «привычке» я тут же решил влюбиться в этот город.

Нет, из-за случая с женой возможность возвращения в наш «прошлый» мир всерьез даже не рассматривалась. Разве что время от времени мечтательно обдумывал короткий визит с трупами и даже немного пытками в сюжете... Дело было в другом.

За время своего короткого карьерного процветания я почему-то так и не побывал хоть где-то кроме Египта и Турции, поэтому в глубине души все еще «страдал» от невозможности чуточку сморщиться, и так – пренебрежительно устало – сказать кому-нибудь из бывших знакомых.

Мол «...знаешь, больше не поедем в Италию. Пиццу и кислое вино мы может и дома пить, а вот Дижон – я просто влюбился в этой поездке! Там такой потрясающий...» – ну и ввернуть что-нибудь про особый вид, или еще какую-нибудь чушь.

Неважно чего там «потрясает», главное чтобы «дорого-богато» и на слуху! В общем, мысль эта была уже из моего зеленоградского прошлого и ничего кроме улыбки она сейчас не вызывала, но со смотровой площадки и впрямь открывался потрясающий вид.

С высоты почти в сотню метров* можно было рассмотреть все семь церковных приходо-в процветающего города, некоторую часть из почти сотни колоколен и все двенадцать главных

ворот столицы Бургундии. До герцогской резиденции и вовсе казалось, что можно рукой дотянуться. Я словно бы парил над этим городом, с его толстыми и надежными стенами, домами, лавками и людьми.

Привыкнув к откровенной убогости средневековой жизни, следующий час я смотрел, что называется «во все глаза».

По словам Вальдемара в столице сейчас было не больше 8-8,5 тыс. постоянных жителей. Не бог весть какое многолюдство, но на фоне родины Дирка – самый настоящий мегаполис.

В городе на Соне изначально не жило и тысячи человек, а после недавнего нападения и вовсе осталось семь, может быть, восемь сотен.

Правда, говоря о дижонском многолюдстве, Вальдемар имел в виду, конечно же, не только собственно горожан (3). В эту цифру были включены и все те обитатели, как ремесленных пригородов, так и небольших селений в его окрестностях, чьи жители имели право в случае нужды скрыться внутри городских стен.

(3) В нашем мире к началу XIV века в Дижоне было около 10-12 тыс. жителей. Спустя более двух десятков лет (в 1376 году) после самой страшной волны эпидемии чумы (называемой часто Великой чумой), горожан насчитывалось лишь 8-8,5 тысяч. И только уже к концу XV в. численность городского населения незначительно превысила уровень двухвековой давности, достигнув 12,4 тыс. человек. В этом мире порядок цифр сложился почти такой же за счет массы беглецов из ближайших анклавов, поэтому прямо сейчас в Дижоне не более 9 тыс. жителей и гостей.

При этом большую часть своей жизни такие люди проводили снаружи, попадая внутрь только чтобы продать плоды тяжелого каждодневного труда. Ну, или ради такой же нечастой возможности потратить отложенное серебро, когда городская стража не брала с проходящих пешими платы. Это послабление по традиции полагалось несколько раз в году во время главных церковных праздников.

Когда Вовка наконец предложил все-таки пойти и поесть, от одной мысли о спуске я пришел в искренний ужас и предложил сбросить меня вниз.

– Какая разница, отчего помирать? – признать, в этот момент я думал о смерти действительно почти с облегчением.

Товарищ меня успокоил, заверив, что дальше все будет хорошо, мне надо только спуститься.

– Но главное, чтобы живым! – выдвинул он при этом нереалистичное условие, однако что делать, пришлось пытаться.

* * *

Тысячу раз прокляв собственный авантюризм, через некоторое неопределенное время я все-таки «выполз» к первому этажу.

Чисто на морально-волевых, но без обмороков и прилюдных истерик, за что и был вознагражден. Внизу нас ждал обещанный сюрприз: двухместный паланкин с дюжиной крепких носильщиков в неизвестных мне дворянских цветах. Выглядело все это как прямое божье вмешательство.

– Если хочешь, я даже не стану спрашивать, чье это богатство... – прохрипел я, забираясь в наше транспортное средство.

– О, с этим как раз никаких проблем, – отмахнулся маг. – Я в дружеских отношениях с виночерпием герцога. У его светлости жена некоторое время крепко недужила ногами, вот он и завел такую роскошь. Вроде как уже не надо, но... Их дом тут, неподалеку, вот перед тем как мы отправились наверх, я как раз и послал служку с просьбой. Было понятно, что тебе придется нелегко. Да чего там, я вроде как не был ранен, но тоже чертовски вымотался...

Остальная часть пути прошла в тишине и радости. Болтать совершенно не тянуло, и мы просто наслаждались мягким покачиванием паланкина, и самым ощущением, что толпа народу несет тебя на руках.

Четверо из носильщиков, работали в упряжке сменными «колесами». Только менялись куда чаще и, не дожидаясь каких-нибудь травм или ранений. При этом все это происходило прямо на ходу, короче – лепота!

В пути мы еще раз отклонились от маршрута, завернув к шикарному особняку в глубине небольшой улочки, с точно такими же – очень небедными соседями.

Вальдемар назвал это место «отель Обрио»* и заверил, что без моего участия тут, к сожалению, не обойтись. Внутри нас ждали несколько слуг в одинаковых ливреях во главе с очень пожилым горожанином, чей наряд просто кричал о богатстве.

– Милейший Гюго, – сердечно поздоровался с ним приятель.

– Ваша милость, – раскланялся тот и принялся так улыбаться, будто получил самую радостную новость в своей длинной жизни.

Слава Богу, на этом церемонии закончились и уже минут через десять мы увозили с собой 263 флорина золотом, плюс – небольшой кошелек с серебром. Это еще почти на 70 ливров*.

Оказалось, что все это богатство – моя доля добычи из замка Бирье.

Все остальные приключения принесли мне наличными лишь около 50 флоринов (тоже, кстати, не мало), а вот победа на болотах, получается, прямо таки изрядно обогатила нашу компанию. Вальдемар, правда, тут же посоветовал сильно не транжирить золото, потому что оказывается, не меньше 100-120 флоринов мне придется отдать за изготовление новой брони.

Перед отъездом дядюшка Жан решил загрузить на корабль половину пластин добытых с королевы «земляных драконов» и ее сердце. На мой удивленный вопрос, а почему только половину? Вовка успокоил, заверив, что вот потолстею с возрастом, попаду во всякие переделки, и буду благодарен наставнику за сохраненную часть такой редкой добычи.

– Для этого времени ты парень высокий, конечно, но не Илья Муромец, так что расслабься, даже привезенного хватит с избытком! Еще может и останется немного...

Немного остудив мои восторги, приятель неожиданно принялся хвастаться. Это было настолько не похоже на него, что я поначалу даже растерялся. И лишь сообразив, к чему он клонит, начал догадываться, что это меня так обрабатывают.

Оказывается, не успев стать магистром у себя в Академии, Вовка урвал крупный, и довольно денежный заказ от герцога. Где-то в Шампани – на севере от нас – пала одна из вассальных крепостей Бургундии, и теперь понадобился штатный маг в новую, которая будет прикрыть это направление.

– Контракт на год, пока заново укрепят границу, но потом его можно будет продлить. И все это время я без особого риска стану зарабатывать сумму сопоставимую с той, что ты везешь сейчас к себе в кубышку, – вещал маг.

– Ну, я искренне рад за тебя! – заверил я приятеля. – На лицо мое не смотри, просто и в самом деле ужасно устал за время нашей «короткой» прогулки, – не удержался я от подкола, и моя провокация удалась: маг наконец-то решил объяснить, к чему именно ведет.

– Понимаешь, в крепости работу можешь получить и ты! – сообщил он и, не дождавшись от меня реплики, продолжил. – Есть место третьего лейтенанта, нужно возглавить роту наемных стрелков. Платить будут, конечно, не так много, как мне, но сейчас это для тебя действительно отличный вариант! Я даже не ожидал, что предложат, едва упомяну о твоих заслугах. Так что думаешь?

Усталость давила на мозги, и я не торопился с ответом, а тут мы еще и прибыли к трактуру, где наш разговор прервался сам собой. Да еще и выяснилось, что пока мы любовались красотами, Вовку все это время дождался какой-то срочный вестник из гильдии.

По крайней мере сова на его тунике была точно такая же, как и у Вальдемара.

Глянув внутрь, приятель тут же узнал посланца, очень удивился и, отправив меня внутрь в сопровождении здешнего хозяина, задержался, чтобы выяснить, в чем же дело.

* * *

После не очень долгих переговоров он вернулся с изрядно потемневшим и, скорее даже – растерянным лицом. Незадолго до этого как раз успели принести заказ, и я только-только успел «запустить руки» в блюдо с аппетитно дымящей бараниной.

Немного понаблюдав за мною, метаящим мясо, словно не в себя, Вовка сообщил:

– Я передумал уговаривать тебя принимать это предложение. Самому мне уже не отыграть назад. Контракт-то принят, и без потери вообще всего достигнутого в Дижоне мне ситуацию не изменить. Но тебе ввязываться не стоит и лучше попробовать остаться в стороне от всей этой фигни...

Поникший маг сейчас олицетворял собой вселенскую печаль, однако ребра были настолько вкусные, что неловко признаться, с момента как принесли и все время ожидания возвращения, да и пока Вовка решался говорить или нет, я увлеченно и методично работал челюстями.

– А чего такое? – просипел я, с трудом прожевавшись.

– Ну, возможно бежать мне придется, может даже, бросая имущество. Если захочу расторгнуть контракт... – уныло уточнил он.

– Не, это-то я понял! Имею в виду: чего там случилось-то, чего ты впал в такой пессимизм? – переспросил я, и потянул к себе здоровый кусок грудинки уже с Вовкиной стороны блюда (к которому маг, кстати, все еще даже не прикоснулся).

Поймав осуждающий и, по-моему, даже намного обиженный взгляд приятеля, я ответил подчеркнуто виноватой улыбкой, но пытаться завладеть мясом не прекратил. Только пояснил:

– Извини, очень есть хочется, а баранина и впрямь просто песня! Такая чудесная! И не слишком жирная, и нежная, и в меру просолена, и чеснока прям вот в достатке... Очень рекомендую! Так что там?

Проводим долгим взглядом уползающий кусок но не сделав даже попытки прекратить это беззаконие, Вовка задумчиво взял со своей тарелки ребро, и осторожно – будто и впрямь в первый раз пришел сюда – оторвал от кости приличного размера кусок и принялся тщательно жевать.

Я уже догадался, что это будет месть, поэтому попытался изобразить полное отсутствие интереса.

Эта сравнительно безмолвная битва желудков и характеров не продолжилась и пяти минут. Надломленный новостями маг, решил сдаться куда раньше:

– Герцог сегодня после мессы отправился осмотреть новую крепость на северной границе. С ним была часть гвардии. По земным меркам ерунда, меньше трехсот воинов плюс примерно столько же всевозможных слуг, но по здешним стандартам – да некоторые воины выигрывались, куда меньшими силами!

– Надеюсь, жив? – догадался я, впрочем, без особого трепета.

И потянул, конечно же, еще один кусок с почти опустевшего блюда. Правда, уже чисто от жадности, ну или – в запас.

– Верно мыслишь! На герцога напали всего в двенадцати милях от Дижона, и это при том, что почти на двое суток пути в любую сторону, наверное, и нет незащищенных мест... В любом уголке – не замок, так село при церкви. Не городок, так какой-нибудь монастырь. Колоколами перекрыта огромная территория, и вообще, чем ближе к столице, тем плотнее люди живут. Поэтому никто просто не представляет, как они умудрились провести две сотни орочьих стрелков и тролля... Ну и несколько десятков отборных зеленокожих бойцов в прикрытие...

– А это много?

– Для хорошей засады? Так может и вдвое меньше бы хватило, – отмахнулся Вовка. – Люди, это же не безмозглые зомби. Даже процентов десять отряда перестреляй, и это уже потери почти не приемлемые. О сопротивлении стали бы думать только единицы.

– И все-таки, как он вывернулся?

– По-моему, просто чудом. Но кое-кто теперь, конечно же, всех за... замучает «балладами» о собственной прозорливости. Придворный маг не должен был, а проверил дорогу впереди. Непонятно вообще, чего он попер с дозором, но теперь можно только радоваться. Сейчас бы герцогские сыновья показали нам, что такое борьба за трон в отдельно взятом владении...

– Гм...

– Вот я дурень, обрадовался, расхвастался... Посмотрите, мне как взрослому магистру дали первый настоящий контракт!

– О, дружище, давай ты не будешь себя так гнобить... – попытался я вставить свои «пять копеек».

– Да не успокаивай, ведь и правда, облажался же. Ну, или как минимум, не просчитал все последствия...

– Извини, – привлек я внимание мага, немного манерно поднятым вверх пальцем. – Ты не понял. Имел в виду: не надо гнобить себя, для этого же у тебя есть я!

На лицо впавшего в пессимизм товарища наконец-то вернулась улыбка. Пусть и не очень веселая, но это было куда лучше, чем вся эта бездна самоуничижения и жалоб.

* **Самое высокое здание** в современном Дижоне – кафедральный собор высотой 93 метра. Первоначально это была монастырская церковь при аббатстве Сен-Бенин. Она была разрушена сначала во время сильнейшего пожара, уничтожившего город в 1137 году (здание папа Евген III освятил в 1147 году), потом – в 1272-ом новые башни церкви рухнули, полностью разрушив верхнюю часть постройки. Строительство новой готической церкви началось в 1281 году, но в 1300-ом инициативный аббат умер, и строительство замедлилось. Почти готовый храм смогли закончить лишь через 25 лет. Во время Французской революции церковь передали сначала епископу, а в 2002-ом – архиепископу Дижона.

* **Отель Обрио** – сохранившееся здание XIII века, которое действительно использовалось в эти годы для обменных операций и хранения ценностей.

* **Общая стоимость полученного** – превышает 700 ливров серебром, огромная сумма. Более подробно с **краткими основами денежной системы** начала XV века в Западной Европе (и ее особенностями в Мире дважды рожденных) при желании вы можете ознакомиться в **Приложении 1**.

Глава 4. Есть вопрос!

Дижон – трактир «Ягненок», вечер

(11 апреля 1402 года, *тот же день*)

Когда я все же решил ввязаться в эту историю с гарнизонной службой, Вовка отчего-то прямо расплылся от радости, и весь последний час меня не покидало ощущение какой-то лажи. Будто кинули где-то, а в чем именно – непонятно.

Вот не был мой друг настолько сентиментальным, чтоб и впрямь не только расчувствоваться, но и показать это. Однако говорили мы, конечно же, совсем о другом.

– Подожди-подожди, так магом может стать кто угодно? – никак не унимался я, пораженный в самое естество.

Уж в этом-то не доверять приятелю причин точно не было, но мысль эта и в самом деле просто не помещалась в голове. Слишком уж повсеместно пропитал книги, фильмы и игры нашего мира ореол некой элитарной исключительности на счет магии.

– Ну не совсем так, конечно, – хмыкнул Вальдемар. – Не без нюансов, скажем так! Ты же понимаешь, что даже ходить или бегать у одних людей «почему-то» получается ощутимо лучше, чем у других. Те же кенийцы, например, прямо нация-бегун... Так и в магии, она же куда сложнее устроена, поэтому от таланта и предрасположенности к ней действительно зависит куда больше. Так что да, практиковать магию может почти кто угодно, но...

Вволю насладившись моим видом, Вальдемар все же пояснил:

– ...но это, естественно, так называемое мелкое, бытовое колдовство. В том, что касается серьезной магии, все, как и у нас дома: ничто, ниоткуда не берется, – и, уловив еще большее непонимание, приятель расшифровал. – Для настоящего волшебства нужно очень много магических сил, поэтому мы, человеческие маги, так сильно и зависим от гильдейских источников. Это демоны сами для себя как «реакторы», а человек вырабатывает или откуда-то черпает куда меньше...

Все это требовалось как-то «пережевать», и тут как раз принесли еще вина и засахаренные в меду фрукты.

Мясом я натолкался еще раньше, словно рождественский гусь – почти до заполнения «пищевода» – но мой совсем не скупой товарищ сегодня шикавал. Поэтому после баранины на стол ставили все привозное, стоившее очень дорого. Прямо только что нам, например, принесли не просто яблоки или груши какие-нибудь, а финики, абрикосы, и виноград. Он даже если и был местным, то все равно – отборнейшим.

Вино тоже оказалось привозным.

В Средневековье люди не считали, что выпивка детям категорически запрещена, поэтому Дирк, не смотря на свои юные годы, легко узнавал на вкус все бургундские вина. Как и выращенные в ближайших окрестностях. Напиток, что нам принесли, был откуда-то из мест, где летом просто ощутимо жарче, чем у нас. Очень сладкий.

Да, застолье получилось веселым и богатым, но день шел к концу и еще через полтора часа мы решили что, кажется, пора закругляться. Колокола на ближайшей церкви били каждые полчаса, и с какого-то момента забыть о времени просто не получалось.

Даже будучи изрядно навеселе, Вовка все же не позволил мне поучаствовать в оплате. Царственным жестом он вытащил из кошелька три флорина и, не ожидая сдачи, приглашающе махнул мне в сторону выхода.

«...Ого, ну и цены! С другой стороны, что я в принципе хотел, веселье в любые времена не бесплатное. Хотя да, здесь же можно захватить чей-нибудь замок или даже городок и...» – а вот дальше моя фантазия забуксовала.

Стало только грустно от мысли, что совсем недавно мы взяли самый настоящий и очень небедный замок, но я в этом поучаствовал лишь в виде «недвижимости». По словам приятеля, тамошнюю баронессу даже не изнасиловали ни разу.

– Понимаешь, неловко как-то получилось, – вполне искренне делился поддавший маг, когда у нас зашла речь об этой победе. – Мужа прикончили, а жену вот – ни-ни...

На мой насмешливый вопрос, а может и правильно? – Вовка даже возмутился:

– Скажешь тоже, мы же не мужеложцы какие-нибудь, надо было женщину уважить! Просто понимаешь, вот ты лежишь, помираешь, а нужно еще и пограбить. И нас там всего горсточка, так что до традиций ли...

На мое успокоительное «Ну хоть пограбили...» товарищ опять принялся жаловаться.

С его слов выходило, что раз золота не нашли, за исключением пары мелочей в главном зале, значит и пограбили так себе.

– Понимаешь, этот род веками тянул и тянул домой с разбоя, поэтому я уверен, даже серебро мы забрали далеко не все, что могли! Слишком уж рано помер барон... Это Карл, гаденьш такой, очень уж расстроился, что мы с тобой не придумали лучшего выхода, чем покурачки разменивать жизнь-на жизнь...

И вот тут вылезла масса подробностей, о которых никто до этого мне даже вскользь не упомянул.

Во-первых, едва Адскому псу пришел карачун, а я остался лежать, то ли жив, то ли мертв, Вальдемар первой же атакой спалил ведьму, как самого опасного врага, хотя та и пыталась сдаться.

– Но ее попробуй, еще удержи... – смущенно поморщился он.

А вот от дисциплинированно бросившего оружие барона они капитуляцию приняли. Но, естественно, не по доброте душевной.

– Какое ему утырку христианское прощение, если он не просто сектант какой-нибудь, а самый настоящий язычник! При этом еще и веру предал... – гневно хлопнул маг кулаком по столу.

И в тот момент у меня не было вот ни малейшего ощущения иронии. Он и в самом деле был зол на «предателя веры Христовой». Правда, я и сам временами ощущал нечто похожее. Трудновато, знаете ли, оставаться православным лишь на Пасху, если демоны, живые мертвецы и куча еще неизвестно чего и в самом деле есть. Особенно, если кое-кто из них уже пробовал тебя сожрать. И хорошо хоть неудачно...

В общем, решив не встречаться с уцелевшими людьми барона, наши тогда собрались по-быстрому пограбить, и свалить еще до рассвета. Но без помощи пленника такое было не провернуть. Замок – это все же не двухкомнатная «хрущевка», втроем там можно месяцами безрезультатно шариться.

– Но и барон ведь все расклады прекрасно понимал, поэтому сдался только по необходимости и собирался крутить хвостом. Без пыток вопрос было не решить, ну мы и начали его пытать, – развел руками Вовка. – А он соглашается отдать лишь один из тайников. Да и то – если поклянемся не жечь замок. Нет, называет этот клад он, конечно, «сокровищницей...»

В том тайнике оказалась целая гора серебряной посуда, но ни одной монеты, поэтому даже очень доверчивый человек засомневался бы, что это вся родовая сокровищница болотных баронов-разбойников.

– Стали мы пытать дальше – он ни в какую, а время-то к рассвету... Тут я хотел напугать, говорю: ну и на кой ты нам такой жадина, тогда прощай! И Карл ему тут же раз и, не говоря худого слова, горло от уха до уха... Барон с одной стороны пучит глаза и пытается что-то сказать напоследок, а у меня горло целое, но я ровно с тем же видом напротив стою. Чуть молнией не вжарил, но повезло ему, раньше пришел в себя, и смог всего лишь словами обругать. А этот болван здоровый стоит дуриком: как же так, господин, ты же сам сказал?

Со слов Вовки получалось, Карл не мог не придуряться, потому что он барону даже шанса передумать не дал. А при его опыте такая простота – невозможна. Так что приятель не сомневался: телохранитель приговорил богатого христородавца из-за меня.

– Вот совсем не сомневаюсь, что это он сам себе надумал. Испугался гад, что барон откупится, и если ты помрешь (а тогда было еще совсем непонятно, выживешь ли), то помрешь неотомщенным. Так что твой сегодняшний кошель мог быть, может даже раз в десять побольше... – грустно завершил он.

Но я почему-то совсем не почувствовал разочарования.

* * *

Дижон – район Академии, утро

(12 апреля 1402 года, *следующий день*)

Утро встретило пением птиц и лишь легким сушнячком. По-настоящему в горле у меня пересохло, когда за завтраком выяснилось, что мать его, магистр, уже два часа, как в пути. Правда, прежде чем я наговорил чего-нибудь неловкого, Бланка принесла льняную торбочку с передачкой.

Внутри нее был герцогский патент на чин «лейтенанта» – командира стрелков в Сент-Апполинарской наемной роте.

«...Ага, Сент-Апполинар – это же, по-моему, название одного из пригородов Дижона, да его я уже слышал. Так, а что там еще...»

Еще в мешке нашлось герцогское Распоряжение на имя его Генерального казначея, о выдаче мне личного и ротного довольствия начиная с момента вступления в командование. Правда, последнее уточнение относилось лишь к довольствию самой ротой.

Мой собственный аванс в 300 ливров, из расчета два ливра в день, можно было получить, наверное, даже сегодня. По крайней мере, по документам я уже со вчерашнего дня считался принятым на службу Его Светлостью герцогом Бургундии Филиппом II де Валуа и прочая, и прочая.

В документе не упоминалось, но я знал, что новый начальник был из рода Капетингов, или по аналогии с германоцентристской манерой Вальдемара – цу Капетинг.

На счет конкретного срока начала командования ротой ни в одной бумаге даты проставлены не были, но в тексте самого Распоряжения оставили место где, судя по всему, должен был расписаться и поставить дату маршала Бургундии, как нынешний командир гвардии.

Я припоминал, что в ближайшие два-три дня, по словам Вовки, можно вообще не чесаться, а вот потом – уже можно съездить во дворец, и попытаться «поклониться» ...вроде бы маршалу, как представителю нанимателя. И надеяться хотя бы через недели две или три увидеть своих подчиненных.

Нет, в нашем мире я, конечно, не так уж часто менял работодателей и мог чего не знать, но такого способа зачисления в штат точно не припоминал. Растерянно оглянувшись, я нашел спокойный взгляд Бланки, и ухватился за него, как за спасительную соломинку.

– Милая, а твой господин что-нибудь еще не передавал мне? А то знаешь, я слегка озадачен из-за того, что он забыл упомянуть такую малость, как свой срочный отъезд...

В глазах девушки заплясали смешинки, а взгляд вильнул в сторону. Но не смущенно... Словно бы подсказывая что-то и, естественно, я глянул именно туда. Справа от меня с кувшином в руках выжидательно замерла Флоранс.

– Ну, пожалуй, это и впрямь очень важное и правильное сообщение с его стороны. Думаю, мне стоит изучить его куда внимательнее... – напоследок благодарно улынувшись Бланке, я подхватил по руку хохочущую брюнетку и мы удалились в апартаменты.

Больше в тот день я ошибок не совершал и даже не пытался покинуть гостеприимный Вовкин особняк.

* * *

Дижон – район герцогской резиденции, первая половина дня

(14 апреля 1402 года, *еще через день*)

Все-таки оказалось, что следовать этому плану смог бы лишь кто-то менее деятельный. Я был просто не способен лишь жрать, спать ...ну и вообще – осваивать только физиологические потребности. Тем более что желание попробовать свои силы в новом деле неожиданно начало накапливаться.

Если поначалу я согласился на лейтенантство больше из дружеских соображений и на авось, то теперь мне уже прямо хотелось поруководить. Все эти «равняйся, смирно, отбой» которых я избегал в своей собственной жизни, сумели подобраться здесь, после моего второго рождения. И вот уже всего через сутки после отъезда товарища, я стою со стороны парадного входа в резиденцию бургундских герцогов.

Эти строения мало напоминали привычного вида европейские дворцы из телека. Пока еще это был не только символ власти, но и вполне надежная цитадель на случай, если бы случилась какая неожиданность, и хозяину пришлось бы в нем отбиваться от «хулиганов».

Мрачноватого вида высокие стены, узкие бойницы окон не ниже второго этажа и множество башен с высокими черепичными крышами, сидящими на них, словно папахи на горцах. Попробуй, сбей.

Бряд ли этот «дворец» сильно напоминал строения во Франции моего мира.

Сам, правда, ничего не могу сказать на этот счет определенного, а вот, по словам Вовки, в современном Дижоне точно сохранилась вроде как самая древняя часть дворца – Барская башня, которую построили совсем недавно, уже после начала всего этого адского бадабума.

Однако о какой именно из башен шла речь, я бы судить не взялся. Все они были не похожи друг на друга, но выглядели при этом ...как-то одинаково. А от почти сухого рва вокруг цитадели еще и ошутимо пованивало.

Ну да, что-то похожее на настоящую канализацию в земном Дижоне появилось только в XIX веке, и именно эта мысль заставила меня понять, что стоять дальше бессмысленно. Черт подери этих аборигенов, но меня не пустили внутрь!

Нет, никакой грубости, что вы. Но старший из алебардчиков на воротах заглянул в мой патент, почти на зуб попробовал висячую герцогскую печать (гад был 100-процентно неграмотен), но твердо завил, что пустить не может.

– Ваша милость, ни господина маршала, ни генерального казначея нет на месте. Приходите в другой день!

Когда будет хоть кто-нибудь из них он тоже «не знал». И вот что делать, кем пугать, кого звать?! К канцлеру прорываться, который вроде как замещал герцога в его отсутствие, может к каким-то там «мэтрам прошений...» – были вроде и такие чиновники.

Очень смутно представляя себе структуру здешней власти, я вот прямо откровенно растерялся от всей этой несурзацы. Поэтому-то уже минут двадцать и нюхал здешнее амбре, просто не в силах поверить, что пасую в первой же схватке с недоразвитой средневековой бюрократией...

...Пока я перебирал ногами, словно стреноженный жеребец (а ничем другим я последние два дня и не занимался), колокола всего города очередной раз отзвонили – по-моему, полдень – и о чудо, кое-что в этой безнадежной истории изменилось без моего участия.

Откуда-то из ближайшего двора, не из самой резиденции, промаршировали смена.

Очередные восемь гвардейцев во главе с новым немолодым усачом. А не пустившая меня внутрь смена не строем, но довольно расслабленно побрела по пути пришедших, но в другую сторону. Нужно было что делать, иначе я рисковал и впрямь облажаться!

– Милейший, прости мне мою назойливость, – привлек я внимание «капрала», или как там называлась у них должность командира отделения.

Когда несговорчивый вояка подошел, я начал издалека.

– Извини, мы не познакомились, хотя мое имя ты знаешь...

– Я кутилье (4) господина Марсана, Ваша милость, – представился тот, уже не так напряженно как раньше, когда он был на посту.

(4) Кутилье – конный воин в доспехе, чаще всего не имеющий рыцарского или даже дворянского достоинства. Нередко в этом качестве при жандармах выступали и их оруженосцы.

– Скажи, что думаешь, если не очень опытный лейтенант из наемной роты Его Светлости, недавно неплохо повоевавший и потому щедрый к новым знакомым, пригласит тебя пообедать с ним в каком-нибудь хорошем трактире. Естественно, за мой счет, ведь это я приглашаю и требование поступить иначе – будет в ущерб моей чести!

Последнее уточнение явно пришлось ветерану по душе.

– Думаю, если мессир лейтенант не будет выведывать секреты моего собственного господина или его синьора, то в этом нет ничего плохого... – осторожно уточнил собеседник.

– О, будь уверен, меня интересует лишь моя собственная будущая рота, ну и все что поможет наилучшим способом исполнять свои обязанности. Я вырос вдаль от двора, и из-за этого могу не знать многие вещи, совершенно очевидные не только такому опытному воину, как ты, но возможно даже здешним оруженосцам. Не хотелось бы неприятностей из-за этого...

Уже через час мы сидели внутри того же самого трактира «Ягненок», где два дня назад гудели с Вовкой. Едва успели перекусить и выпить по первой, как мой собеседник совершенно однозначно назвал мою будущую роту «свеженабранным дерьмом».

Прямо дословно:

– Твоя милость, я не видел именно этих, но клянусь тебе: они не могут быть ни чем кроме как свеженабранным дерьмом. Плуты, воры, несостоятельные должники, дебоширы и прочее отребье... Нет, откровенные убийцы, из тех что взяли на горячем и приговорили к петле, в твоём случае вряд ли будут, но то, думаю, тебе скорее неудача...

– Почему это? – удивился я.

– Понятно, что с такими было бы непросто управиться, но и задавить себя за просто так какой-нибудь мелкой твари они не позволили бы. А вот от остальной шушеры я бы того героизма не ожидал. Первое время они будут способны только пугаться, вопить и разбегаться...

«...Ну вот, порадовал ты меня, чувак...»

– И что бы такой опытный воин посоветовал?

– А ведь знаешь, Твоя милость, и посоветую! Советую сейчас, пока набирать не закончили, нанять кого-то из опытных и надежных отставников. И сделать из них командиров десятков. Так глядишь и ...сможешь меня через год снова угостить таким знатным винцом, – все-таки закончил мысль кутилье. – Иначе совсем невеселая судьба тебя ждет. Хорошо хоть короткая! – хохотнул он, и смутился. – Прости, Твоя Милость! И да, кажется, я могу посоветовать кое-кого. Из тех, кого сам знаю...

Глава 5. А ведь «МОЯ ТВОЯ ПОНИМАЙ...»

Дижон – окрестности квартала бронников, вторая половина дня
(15 апреля 1402 года, следующий день)

Было невозможно разобрать, что это за типы трутся у входа в переулок.

Для бухариков они выглядели слишком прилично, для чьих-то слуг – наоборот. Стоило бы еще постоять за углом, понаблюдать, но странный монах в это время мог уходить все дальше и дальше. Мысленно махнув рукой на здравый смысл, я со всем доступным моему лицедейскому таланту умением изобразил задумчивую отстраненность, и двинул следом.

Защищенная стенами часть Дижона на самом деле была довольно небольшой.

Прибавьте сюда массу узеньких улочек (где даже пешим еще попробуй, пройди), возникающую время от времени необходимость скрыть что-то даже от самых доверенных слуг – и становится понятно, что и вполне себе респектабельные дворяне время от времени не брезговали прогулками. А уж кто попроще, так и вовсе не выглядел бы в этой ситуации странным.

«...Ну, идет, Моя Милость, по своим делам, мало ли...»

Наряд у меня был одновременно функциональным и простым, из-за этого не слишком дорогим.

Так одеться мог бы и дворянин средней руки, и вполне преуспевающий, но не склонный излишне красоваться горожанин. Однозначно на дворянство указывал лишь меч, поэтому задумке образ вполне соответствовал.

Да, шанс пройти был...

Если б проулок, в который я сунулся, оказался сквозным, например, или все подозрения на самом деле оказались ерундой, но извините, вот не с моим счастьем. Конечно же, внутри меня уже ждали.

– Я же говорил, что этот человек идет именно за Вами, мессир! – со сварливой радостью прокомментировал один из встречающих.

Шириной плеч и рук чувак был похож на портового грузчика, но одет – скорее, как крестьянин или шорник, какой-нибудь. Я пока еще не сильно разобрался в дижонской моде, чтоб это утверждать однозначно, но ощущение было именно таким.

Под стать «сварливому» были и трое других персонажей, отделявших меня от «монаха». Того самого, за которым я, собственно, и пошел сюда.

«...Ну вот, дружище, ты и нашел его, только что теперь с этой радостью делать...» – внутренний голос не то чтобы прямо взвыл, но был он, безо всякого сомнения, преисполнен пессимизма.

– Братец, что ты такое болтаешь? – не стал я молчать. – Зачем бы мне следить за служителем Матери нашей Церкви...

В отличие от несколько неуверенной речи, сам я вполне целеустремленно тут же попытался рвануть обратно и, буквально нос к носу столкнулся с теми самыми двумя, что прежде топтались снаружи. Только теперь они совсем не выглядели «незанятыми».

«...Вот, черт! Ну, конечно же, вас поставили присматривать за входом...»

У каждого из вошедших вслед за мной в руках было по приличному такому тесаку.

Не, ну я тоже был далеко не безоружным, но попытайся сейчас выхватить меч, и стоящие почти вплоты головорезы, меня гарантированно бы закололи, или как минимум – опасно порезали.

Будь на мне хотя бы кольчуга, но что сейчас мечтать... Воевать не собирался, и защиты на мне не было.

Вполне натурально взвизгнув, с испуганным видом я бросился внутрь – фактически вглубь ловушки, но не оттого, что окончательно потерял голову. Просто нужно было выиграть

хотя бы пару шагов, чтобы суметь сравнительно безопасно достать меч из ножен. Получить острой железякой в бок сейчас было сильно некстати.

«Шшух!» – уже буквально в следующую секунду я стоял с обнаженным клинком.

Сунувшегося первым преследователя, не мудрствуя лукаво, ударил поперек лица. И вроде как размахнуться толком не успел, но ему хватило. Вот прямо хватило-хватило...

С пронзительным криком мужик упал на колени, и попытался собрать рассеченное в кучу, как-то сжать рану. Но что ты сделаешь двумя ладонями, вслепую, если нос, кожа на лице, и даже челюсть – пополам?

Отвратное зрелище, даже с учетом того, что это я сделал почти осознанно и спасая жизнь.

Вокруг были кучи мусора, и стоящий на коленях перекрывал единственный легкий путь ко мне, а значит пока он вопил и раскачивался – это было на пользу. Но любоваться этим оказалось невыносимо. Вот не был я пока настолько продуманным и хладнокровным «терминатором».

Единственное, на что меня хватило, так это аккуратно ткнуть подранка в сердце, и за секунду до естественного падения все еще хрипящего тела, подправить пинком короткий полет так, чтобы оно еще надежнее перегородило проход.

Пат! С одной стороны я вроде как в ловушке и не могу сбежать, но и они – пусть попробуют подобраться, да затыкать своими ножиками.

Действительно, мой меч оказался вдвое длиннее любого оружия, что прихватили с собой неизвестные. Все пятеро невредимых бойцов замерли полукругом перед полосой препятствий, психологически пока не готовые обменять одну или две свои жизни на шанс прикончить меня.

– Не знаю, кто вы, но дьявол вас задери, может, разойдемся? Мне ваши жизни не нужны... – закинул я пробный шар, решив мало ли; чем черт не шутит, может и не захотят дальше драться.

Никто из врагов не ответил мне, но и не напал. Не знаю, сколько мы простояли так: минуту, две, пять? Внутренние часы в такой нервной ситуации однозначно сбились.

Монах все это время неподвижно стоявший на прежнем месте, именно сейчас после моих слов, очевидно, и решил, что ему необходимо вмешаться. И от недобрых предчувствий у меня заныли ребра. Как раз те самые, что только-только вроде как начали зарастать...

Остановившись за спиной у бойцов, он на мгновение замер, но прежде чем я с надеждой начал бы гадать для чего именно, этот вопрос и сам разрешился.

Руки его появились из-под сутаны, и на кончиках скрюченных пальцев плясали бледные, неприятного вида огоньки.

«...Ах, ты ж отрыжка пеликанья...» – разочарованно подумал я, и только безусловная опасность помешала тут же начать гадать, почему именно «пеликанья-то»?

– Холяй Китал мо, торч о боз тозоден... (Сила Смерти, наполни этот сосуд...) – забормотал маг на с трудом узнаваемом, но явно гоблинском.

– Эй, ты это прекрати! – выкрикнул я, не сдвинувшись, впрочем, с места. – Стража! Стража-а-аа-а! Дьявола поклонники здесь, помогите...

Как ни странно, но орать эту чушь было не стыдно. Даже как-то успокаивало...

Когда «монах» начал колдовать, бойцы чуть расступились, но в целом – они по-прежнему оставаясь стеной между мной и магом. Бросься я сейчас в атаку, дотянуться да него просто не получилось бы. Теперь бы кучи мусора, защищавшие прежде мою позицию, стали бы помехой уже для меня самого. Оступить через какой-нибудь обломок старой мебели или кучу гнилых овощей – значило остаться беззащитным и почти гарантированно умереть, но и ждать чем все это закончится, было просто невыносимо.

Прыгнуть через тело убитого?

Вот уж, увольте, призыв мага сработал. Труп зарубленного мною бойца сначала начал дымиться, потом – плавиться, под потоками невидимого огня, а еще через несколько минут – собираться во что-то новое...

– Ргах-х! – попробовала голос призванная тварь, через неопределенное время.

Буквально в двух шагах от меня стояло что-то вроде голема из кусков, еще недавно вполне человеческого тела. Драться с таким очень не хотелось. С неожиданным удивлением я вдруг подумал: отчего это мне даже в голову не пришло ткнуть вот это вот разок-другой, пока оно создавалась.

«...Проклятое любопытство...» – догадался я.

Монах снова безмолвно замер, но когда тварь получила приказ, уверен – это почувствовали даже его толстокожие подручные. Очередное «Ргах-х!» теперь прозвучало как-то ...удовлетворено, что ли, и чудовище передвинулось ко мне поближе.

«...Кажется, будет прыгать...» – в панике подумал я, все еще не решаясь сдвинуться с места.

Решимости хватало лишь на то, чтобы терпеливо и внимательно наблюдать, дожидаясь атаки.

«...Будь что будет!» – не очень убедительно попытался приободрить я себя.

«Бум-бум-бум!» – неожиданно зазвонил колокол на ближайшей церкви и это был райский звон, означавший спасение для меня пока еще не в религиозном, а в самом прямом смысле этого слова.

До этого я никогда не видел, как действует колокольный звон на силы Зла. Невидимый звук словно бы разом рассек некие внутренние связи в теле монстра, отчего мерзкий гомункул в одно мгновение стал тем, чем собственно и был без магии: несколькими кусками деформированного человеческого (может уже не совсем) тела.

Монстра не стало, а откат разрушенного заклинания однозначно врезал по его хозяину.

Молчаливый маг громко застонал, и в его голосе была хорошо различима именно боль, а не злоба от нарушенных планов, например. Когда в переулке прозвучало не менее чарующее «Именем герцога!» – это был уже словно какой-то непрекращающийся праздник.

«...Как же я рад вам, удода вы неторопливые...» – подумал я, с облегчением, и устало опустился на обломки лестницы или чего-то похожего рядом со мной. Ноги вот прямо ощутимо подрагивали.

...Судя по гербам на туниках, это была городская стража Дижона. Крепкие, надо признать, парни!

Те, кто пытался сопротивляться и оказался слишком расторопен, чтобы попасть в плен, получил алебардой согласно личному тарифу неведущести, и помер или сразу, или через минуту-другую, добитый заботливой рукой победителя.

Двух бойцов и каким-то образом лишившегося руки мага, повязали.

Я прекрасно помнил, на что способен был Вальдемар, но этот оказался то ли пожиже, то ли откат его слишком уж ослабил. Еще через минуту с удивлением сфокусировал взгляд на своих спасителях, и немного поднапрягся...

Посматривали они на меня как-то недобро, а алебарды двух ближайших ко мне воинов – и вовсе недвусмысленно целились то ли в живот, то ли собираясь рубануть по ноге или руке.

– Бросай-ка ты меч... – нейтрально «посоветовал» мне один из усачей, и немного подумав, с сомнением уточнил. – ...Твоя Милость!

* * *

Дижон, утро того же дня

Алкольно-дипломатический контакт накануне прошел вроде как неплохо.

Немолодой кутилье охотно пил, ел, и – рассказывал, конечно. Но поскольку непосредственно к вербовке моих будущих стрелков он отношения не имел, все это было на уровне

предположений. Да, логичных и звучащих довольно реалистично, но все-таки предположений.

Поэтому мы расстались довольные друг другом уже после заката, но в сознании, и самое главное мой собеседник пообещал добыть подробности, рассчитывая узнать все, что будет возможно и невозможно.

Гвардеец брался даже переговорить с предполагаемыми отставниками, которыми по его мысли обязательно нужно было укрепить отряд, ведь «иначе быть беде!»

Вот, собственно, поэтому на следующий день прямо с утра я и отложил свои лейтенантские заботы, а сам собрался разрешить другое и, пожалуй, не менее важное дело.

...Утро было теплым, солнечным, а я шагал к улице Бронников.

Да, представьте себе, народ здешний ни черта не понимал в коммерции, поэтому если в каком-то месте плотно селились, к примеру, зеленщики – то место называли «Овощным переулком» или какой-нибудь «Морковной улицей».

А если жили изготовители брони – всяких там кольчуг, кирас, поножей и прочего разного – то чаще всего местные тоже не заморачивались креативом, и всю улицу или даже квартал называли «Бронным». В зависимости от того, насколько много живущего именно в этом месте народу было вовлечено в бизнес.

Правда, все это было не настолько формализовано, чтобы вот прямо таблички с надписями вешать, но, в общем-то, речь не об этом.

Заказ городскому цеху бронников, (а учитывая его предполагаемую стоимость, наверное, можно даже сказать – у лучших мастеров Дижона), удалось разместить довольно легко.

Просто предварительные переговоры заранее провел Вальдемар, мне же оставалось только передать плату и необходимое число пластин «земляных драконов», после того, как объясню, чего именно хочу, и мастера смогут посчитать точную стоимость.

В итоге все затянулось, конечно. Выбор модели, снятие мерок и заключение договора, закончилось уже во второй половине дня...

...Тут надо объяснить, что когда пластины этого вида «почти драконов» бросали в печь вместе с железом или сталью, они могли образовывать очень ценный сплав, и для этого – нужна была куда меньшая температура, чем можно было предполагать.

А на выходе получался очень легко поддающийся обработке материал, который после затвердевания и определенной обработки – почти не проводил тепло, магию и с трудом разрушался. Да и был ощутимо легче изначального металла.

Эдакая сверхсталь для создания почти идеальной брони. Конечно, с помощью магии можно было создать доспех еще лучше, но цена на него выходила и вовсе заоблачной, поэтому в такой защите щеголяли лишь самые влиятельные дворяне ну и сами маги понятно.

Главный минус этого доспеха был в том, что если ты вырастал из брони, то чтобы как-то переделать ее, опять нужно было искать защитные пластины «земляных драконов». Когда мне объяснили этот нюанс, стало понятно, что дядюшка у Дирка просто верх мудрости и предусмотрительности.

С меня сняли мерки, сообщили цену, а за пластинами пообещали прислать работников на следующий день.

Передав прихваченный с собой задаток в 50 флоринов (двадцать из них были надбавкой за срочность), я устало и расслабленно побрел обратно. Прекрасный день, прекрасно разрешившаяся забота...

Уже на обратном пути при переходе оживленного перекрестка я вынужденно притормозил, и абсолютно случайно подслушал разговор какого-то монаха – судя по серой рясе, по моему, францисканца* – с вроде как обычным горожанином неопределенной принадлежности.

До крайности удивленный не смог сдержаться, потащился за ними, а в итоге – вот.

* * *

– Бросай-ка ты, братец, меч! – напомнил стражник.

– Милейший, не слишком ли много ты себе позволяешь? – возмутился я, и с удивлением осознал, что и в самом деле закипаю.

«...Ну, надо же, какие мы, оказывается, гордые можем быть...»

Однако тут из-за спин остальных вышел невысокий мужчина в обычном дворянском плаще, правда, как и я – с боевым, а не парадным мечом на поясе – и алебардщик вроде как перестал слишком уж заинтересованно высматривать место на моем теле, куда врезать.

– Я здешний шателен и поставлен Его Светлостью, надзирать за порядком. Представьтесь, сударь!

Словом «шателен» (кастелян) в Бургундии обозначали целое множество мелких, но нередко очень ответственных должностей. В Средневековье, как и в Античности, само войско – это чаще всего и было государством, в современном смысле слова.

Бургундия в этом плане, естественно, не особо отличалась от остальных, но к XV веку здесь научились уже хотя бы отделять одно от другого, пусть и пока лишь формально. Именно поэтому почти все доверенные вассалы герцога совмещали и воинские, и придворные должности. Не знаю, числился ли мой собеседник в списке доверенных слуг герцога, но судя по обстановке – мне точно выпала честь познакомиться с начальником одного из местных «гор-отделов».

Правда, всегда стоило учитывать, что здешние начальники ГОВД были куда опаснее наших.

Пусть с оговорками, но они на вполне законных основаниях, словно какой-нибудь голливудский «судья Дред»* , имели право прямо на месте приговаривать очевидных преступников. Из-за этого, конечно же, я не стал затягивать с ответом:

– Шевалье Ромпар к вашим услугам, месье. Имею честь состоять в качестве лейтенанта стрелков в Сент-Апполинарской роте Его Светлости, – отчитался я, и отвесил короткий поклон, приветствуя собеседника как равного, но с уважением.

– Они же вроде еще... – с сомнением протянул чиновник.

– Перед вручением патента меня предупредили, что командир там понадобится не раньше чем через неделю или две. И это в лучшем случае, поэтому вы, конечно же, правы! Своих бесстрашных крестоносцев, этих благородных рыцарей-бессребреников в сверкающих латах, которых хлебом не корми, дай только прикончить какого-нибудь дракона, тролля, или хотя бы десяток-другой орков – я и впрямь пока еще лично не видел...

– Уа-аха-ха-ха, – откровенно закатился шателен, мгновенно избавляясь от своей подозрительности, – дюжину вот именно таких «паладинов», точь в точь, как вы описали, третьего дня я отправил в казармы вашей роты, шевалье. Увидите рожи, будете довольны! Правда, простите сердечно, но колодки велел с них снять лишь по прибытии. Некоторые выглядели очень уж пряткими... Нет, теперь-то я понимаю, что им просто не терпелось побыстрее схватиться с каким-нибудь опасными тварями. А-аха-ха, «благородных бессребреников...»

Слова местного прево* полностью подтверждали озвученный днем ранее прогноз ветерана, но радости, понятно, не прибавляли.

«...Вот прямо порадовал ты меня, братан...» – грустно подумал я.

– Так что у Вас тут произошло, господин лейтенант?

– Вы не поверите, но и сам гадаю... – снова поймав подозрительный взгляд шателена, я заторопился исправить впечатление. – Нет, Вы меня неверно поняли, сударь! Не собираюсь ничего скрывать, расскажу все непременно. Просто я и в самом деле не знаю, кто они и что именно хотели... Кроме того, естественно, что пытались меня убить. Я ведь совершенно случайно подслушал, как вон тот – да, маг переодетый монахом – сказал своему спутнику, что «если он предал, то пожалеет об этом...»

– Гм, и что Вам показалось странным? Если бы меня кто предал, я бы тоже, знаете ли, очень захотел, чтоб предатель пожалел... – улыбнулся собеседник.

– Но думаю вряд ли вы стали бы обсуждать это **на одном из гоблинских наречий**, – выделил я голосом главное. – Ну и еще они старались не привлекать к себе внимание, но это уже и в самом деле могут быть лишь домыслы...

* **Францисканцы** – католический монашеский орден, основан святым Франциском Ассизским близ Сполето в 1208 году для проповеди в народе апостольской бедности, аскетизма и любви к ближнему. В ранний период были известны в Англии как «серые братья» (по цвету облачения), во Франции как «кордельеры» (из-за того, что они опоясывались верёвкой), в Германии как «босоногие» (из-за их сандалий, которые они носили на босу ногу). Как духовники государей XIII—XVI вв., пользовались большим влиянием и в светских делах, пока не были вытеснены иезуитами. Осуществляли и функции инквизиции, основанной в XIII веке. Ордену была поручена инквизиция в ряде регионов Франции, центральной Италии, Далмации и Богемии.

* **Судья Дред** – персонаж одноименного супергеройского боевика 1995 года, где в главной роли снялся Сильвестр Сталлоне.

* **Прево** (фр. [pʁévôt], от лат. [praepositus] начальник) – в феодальной Франции XI—XVIII вв. королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью, с XV века – выполнявшего лишь судебные функции. Судьи, подчинявшиеся старшим судьям, в разных регионах Франции назывались по-разному. В Нормандии и в Бургундии их звали «шателенами» (châtelains).

Глава 6. Сколько?

Окрестности Дижона – дорога к востоку от города

(16 апреля 1402 года, утро следующего дня)

Юго-восточные ворота бургундской столицы, как только не называли. И императорскими, и безансонскими, и швабскими* – список вариантов был, наверное, почти бесконечным. Обычно это зависело лишь оттого, куда человек собирался ехать, так что лично для меня они сегодня были, конечно же, «сент-апполинарскими».

Срочных дел в городе прямо сейчас не было, поэтому решил не ждать еще неделю или две, а поехать и увидеть своими глазами ротные казармы, ну и оценить ту часть стрелков, что уже успели набрать.

Утром я велел помощнику конюха взнуздать одну из хозяйских лошадей.

Плотно позавтракал, дождался своего спутника, и без малейших сомнений покинул Дижон. И вот последние полчаса под копытами позаимствованной кобылки расстиралась довольно приличная, по средневековым меркам, дорога. Поля, дома, сады и поместья вокруг дышали достатком и спокойствием.

Да, все жилье за городскими стенами было укреплено. Надежные высокие заборы или даже стены из глыб известняка, дома без окон на первом этаже. Исключением не были даже самые бедные крестьянские хижины, которые – во-первых – располагались обязательно небольшими группами, во-вторых – даже они тратились хотя бы на плохонький, но частокол.

Глядя на все это трудно было поверить, что здешний мир и в самом деле был поделен между ужасными монстрами и их абсолютно всамделишными демонами-хозяевами. Но сам я в пути больше перебирал в памяти события вчерашнего дня.

Доказательств пока не нашлось, но меня одолевало ощущение, что приключение накануне как-то связано именно с этими могущественными пришельцами...

...Едва мы закончили знакомиться с их командиром, городская стража распределила между собой образовавшиеся трупы, двух уцелевших бандитов – и, самое главное, пусть оставшегося с одной рукой, но живого и вполне способного говорить мага – после чего отряда вернулся в свои казармы.

Ими служили две ближайшие воротные башни во внешней городской стене.

«...А что, очень разумная идея!» – тут же оценил я.

Действительно, такое размещение гарантировало, что помещения не будут пустовать, а значит, находятся под постоянным присмотром и не обветшают, да и на случай осады в них всегда есть опытный и умелый гарнизон, хорошо знающий все местные входы и выходы.

Не смотря на вполне дружеское общение с шателеном, рядовые поначалу держались со мной не то чтобы прямо настороженно, но явно несколько отстраненно. Я был для них чужаком, пусть вроде как и утверждающим, что тоже служит их господину.

Но здешний народ привык и в самом деле знать друг друга в лицо, а мою личность прямо сейчас подтвердить было некому. Славный магистр Вальдемар фон Лаубен, к сожалению, находился больше чем за сотню километров, и пока сделать это физически был не способен.

Из-за этого сложилась несколько двусмысленная ситуация, когда меня вроде как подозревать было не в чем – бандюганы ведь и в самом деле напали и пытались убить – и в то же время после признания в понимании одного из темных наречий, шателену очень захотелось сунуть странного молокососа в камеру. Просто для спокойствия!

Ну да – не знаю, как в других местах, но я уже узнавал, что в Бургундии с гоблинами, орками и прочими слугами Зла обычно толмачили церковники да гильдейские господа-чародеи. Поэтому не знаю, к каким бы мыслям пришел в итоге шателен, но все разрешилось к

всеобщему удобству. Правда, уже ближе к вечеру, когда я случайно упомянул, откуда именно знаю своего покровителя-мага.

Услышав о том, что в его отряде я сражался буквально прошедшей зимой, шателен задумался и, поглядывая на меня с сомнением, принялся о чем-то шептаться с одним из своих десятников. Приблизительно через час в ту башню, где было устроено что-то вроде штаба, и шла почти вся основная движуха, ввалился – кто бы вы думали – поддатый помощник капитана с барка «Святой Герман».

Он меня, естественно, тут же узнал, громогласно поприветствовал и сразу же принялся многословно хвалить, охотно поясняя всем желающим, какой же перед ними герой...

Выяснилось, что басни наших знакомцев-матросов, где основными действующими лицами были я, Вальдемар и, конечно же, героические «мореплаватели» (именно в такой последовательности), в городе стали очень популярны. Слышали их, естественно и в городской страже.

Хотя посылали, конечно же, за капитаном, но того на судне вечером не оказалось, поэтому просто чудо, что десятник догадался взять с собой его помощника. Думаю, счастливый расклад выпал из-за того, что они, оказывается, хорошо друг друга знали. Хотя с другой стороны – а кого еще было слать на поиски, как не человека, знающего кого именно искать? Но – не суть...

Вот после этого доверие ко мне стало полным, а к вечеру, когда я засобирился домой, шателен приказал даже выделить двух конных стражников в сопровождение, ну и, понятно, коня мне самому, чтоб «настоящий герой не тащился через полгорода пешком...»

Кстати, ничего важного от нападающих узнать вчера так и не удалось.

Не смотря на некоторое напряжение с доверием поначалу, мне все равно позволяли присутствовать на допросах. Я потом даже начал подозревать, что вполне возможно сами стражники оценивали «это доверие» – как предварительную обработку меня самого...

Короче, пользы от допросов пока и впрямь вышло немного. Пленники или ничего по большому счету не знали, или мрачно молчали, игнорируя угрозы и уговоры. «Партизана» из себя изображал, естественно, маг, на которого поначалу и была вся надежда.

Но настоящих способов убеждения к нему пока не применяли. По-моему, на это должен был дать добро кто-то из высокого начальства и, как я понял, вроде бы даже сам Их Сиятельство господин Канцлер, замещавший герцога в его отсутствие.

В общем, когда все-таки удалось добраться домой, там меня уже ждал добровольный агент «Кутилье»: да, тот самый разговорчивый ветеран, которого я угощал и с которым мы договаривались встретиться.

Чтоб скрасить гостю ожидание, скупающие девчонки щедро угостили его вином и не забывали завлекательно ахать многочисленным байкам. Подозреваю, что в такой обстановке он готов был ждать меня сколько угодно долго. И именно после разговора с кутилье я вдруг решил: плевать на сроки, еду в Сент-Апполинар. Благо все это было достаточно недалеко от города.

Тем более по мысли ветерана получалось, что еще одна подпись на документах нужна лишь на выдачу ротного содержания из казны. А так – я прямо сейчас был законным командиром стрелков, просто по факту наличия патента.

Ну и я тут же, конечно, поинтересовался, не хотел ли он сопроводить меня...

* * *

Небольшое отступление

(пока Дирк скачет к Сент-Апполинарскому лагерю своей роты)

Здесьняя реальность и в самом деле была полна парадоксов. Впрочем, подозреваю, как и жизнь во всех остальных мирах. Катастрофа, как и любое другое столь же важное и много-

плановое событие очень изменила местную цивилизацию. И эффект этот, конечно же, был во многом сильно разнонаправленным, да и парадоксов в ней прибавил.

Приход демонов и последующие испытания с одной стороны раздробили многие вполне устойчивые государственные образования, например, ту же Францию, с которой к какому-то моменту боялись связываться почти все соседи.

Те, кого мы называем французами, немцами, испанцами и итальянцами, в большинстве своем себя таковыми еще не считали, но уже начали привыкать к более-менее устойчивым масштабам своих государств и реальной власти королей и императоров (даже – в Священной римской империи). Однако теперь они снова практически забыли, что такое необходимость подчиняться кому-то.

Считается, что только Великая чума убила до трети населения Европы. Какой урон человечеству нанесли все природные и социальные катаклизмы Малого ледникового периода просто невозможно посчитать точно, но здешнему человечеству пришлось куда хуже.

В наш мир хотя бы не приходили сотни демонов, древних богов и прочих пришельцев, для которых люди по умолчанию лишь разменный материал, если не пища. Поэтому в здешней реальности одни регионы могли сохранить до трети или даже половины докризисного населения, а соседние – и часто мало чем отличающиеся – почти полностью обезлюдили.

Из-за этого даже на территории одного графства теперь нередко сосуществовали совершенно независимые владения, в той или иной мере умудряющиеся в одно и то же время сотрудничать и соперничать между собой...

С другой стороны – глобальная катастрофа позволила усидевшим на своих местах правителям заметно увеличить централизацию владений и даже усилить власть над ними.

Например, к началу XIV века ни Франция, ни Бургундия, да и почти никто в Европе не собирал постоянных налогов с подданных. Правители обходились косвенными сборами, похожими на современные акцизы. Вроде знаменитого французского налога на соль, известного под названием «габель» (5).

(5) Габель (лат. [gabulum] налог) – непопулярный налог на соль во Франции, впервые введенный как временный военный платёж в 1286 году. Со временем стал одним из наиболее ненавистных и неравных налогов в стране и, несмотря на большое количество сторонников реформы, был отменен лишь в 1790 году. Налог был репрессивным, поскольку на соль существовала государственная монополия, а вдвойне обременительным его делало то, что французское правительство обязало каждого гражданина в возрасте старше восьми лет покупать еженедельно не меньше некоего фиксированного минимального объёма соли по фиксированной цене.

Разницу между полученным с подданных и необходимым властям приходилось добирать, принуждая население время от времени скидываться по каким-то экстраординарным поводам.

Свадьба, похороны или война (или неудачи на ней: к примеру, пленение короля) – это считалось железным поводом запустить руку правителя в кошельки подданных. Но особенно – конечно же, война.

Исключением из этого правила была лишь Англия (с некоторыми оговорками), но она не сильно выиграла от Катастрофы. На острове была слишком уж маленькая плотность населения, поэтому дела у них в связи со здешним Апокалипсисом пошли куда хуже, чем у остальных, хотя отдельные человеческие владения там все-таки уцелели. И это получилось, как раз именно благодаря куда большей централизации, чем на материке.

Но к началу XV века в здешнем мире вся эта «средневековая дикость» с налогами была почти повсеместно пересмотрена и, не смотря на громадные потери человечества в целом, правители более-менее успешных человеческих анклавов вдруг осознали, что в состоянии содержать постоянные воинские контингенты. И мало кто из подданных возражал против необходимости платить, потому что было абсолютно очевидно – иначе не выжить.

Герцоги Бургундии оказались как раз в числе счастливых, сумев вовремя понять и удачно внедрить «новшества», а потому и в самом деле имели достаточно процветающие и защищенные владения.

За прошедшее столетие вперед заметно шагнули и технологии.

Например, к началу всей здешней катавасии судами уже управляли не с помощью устаревших рулевых весел, выставлявшихся прямо с кормы, а вполне себе «современным» способом. Рулевым колесом. И такой способ позволял куда меньше зависеть от ветра, поэтому здешние корабли еще столетие назад могли с куда большей легкостью совершать длительные морские путешествия.

Если в раннем Средневековье на зиму суда предпочитали ставить на прикол, опасаясь сезонных штормов, нововведение риски снизило. Да, перед Катастрофой ходить на кораблях старались все еще вдоль берега – каботажным способом – но технологически все уже было практически готово и к океанским переходам.

Для следующего шага нужна была лишь причина, и творящийся уже почти столетие ужас предоставил ее. Правда, средиземноморские поселения все же почти не стремились пока в океаны.

Живущим торговлей портовым городам пришлось значительно развить мореплавание, потому что суша стала чертовски опасной. И если купеческие гильдии на судоходных реках могли профинансировать создание промежуточных торговых поселений, вроде родного городка Дирка, то никаких денег бы не хватило возводить целые острова.

Именно поэтому чтоб сколько-то успешно торговать по всему Средиземному морю нужна была возможность выйти, к примеру, из Марселя и, с использованием лишь одной двух промежуточных стоянок в Италии, суметь живым и здоровым попасть в уцелевшую египетскую Александрию или сирийскую Антиохию.

Именно поэтому вполне справедливо, что в глазах Александра Кузнецова раздробленная и почти не защищенная человеческая цивилизация этого мира выглядела такой странной, едва у него появилась возможность оглядеться без риска прямо здесь и сейчас потерять жизнь.

* * *

Первая половина дня

В бургундском топониме «Сент-Апполинар» разнообразия было куда меньше, чем у упомянутых выше дижонских ворот. Все ограничилось лишь двумя основными значениями.

Во-первых, так называли всю хорошо освоенную и густо заселенную равнину к востоку и юго-востоку от города до замка Сент-Апполинар, когда-то служившего передовым укреплением против нападений стай каких-нибудь очередных малоизвестных тварей.

Но годы шли, силы демонов подтачивались взаимной враждой, самостоятельные или не имеющие хозяина монстры обзаводились логовами и четко очерченными охотничьими территориями, а люди учились им противостоять и плодились. Поэтому сейчас все прежде свободное пространство, было заполнено полями, садами и виноградниками, перемежаемыми жильем их хозяев или работников.

В более узком смысле под этим словосочетанием понималось само укрепление, построенное вокруг церкви Святого Апполинария в шести-семи километрах от крепостных стен Дижона. Именно тут и были официально прописаны две «ордонансные» роты бургундской армии.

Чтобы добраться до внешне, надо признать, довольно неказистого укрепления, нам понадобилось не более часа. И тут я пригляделся, и немного обалдел.

– Послушай, милейший, – привлек я внимание спутника-кутилье, придержав кобылу. – Ты же сказал, что здесь казармы лишь двух рот?

– Так и есть, господин! – охотно подтвердил он, наконец-то получив возможность поговорить.

– Но там же народу, сотни четыре, никак не меньше... – чихнув, я приподнялся на стременах, и присмотрелся еще раз, отгоняя от себя поднятую собственными же лошадьми и наконец-то догнавшую нас пыль.

Удивленно глянув на меня, ветеран пошевелил усами, что-то молча прикинул и наконец-то сообщил:

– Если ты, Твоя Милость, о марширующих на поле, то думаю, там их не меньше пяти сотен... А если пытаешься подсчитать всех, то я не глядя скажу: на поле только стрелки, а значит, внутри кроме постоянного гарнизона – вон такие, видишь, в кирасах и с алебардами... – ткнул он пальцем в двух воинов на воротах, – то там должно быть еще около двухсот пикинеров.

– Сколько?

– Две сотни, – твердо сказал собеседник. – В каждой роте по соответствующему Ордонансу Его Светлости герцога «полагается иметь сто умелых солдат с пиками...» Но между нами, такое бывает редко, разве что прямо перед войной успевают пополнить...

– Нет, я о стрелках... Сколько их в одной роте? – поспешно добавил я, не желая выслушивать очередные интересные, но не имеющие отношения к моему вопросу подробности.

– В каждую роту полагается набрать по триста стрелков из большого лука, сотню воинов с арбалетами и сотню кулевринеров. В последнее время, правда, стали заменять одну и сотен лучников на стрелков с аркебузами... – охотно ответил он.

– Так это если я лейтенант наемных стрелков...

– Ну да, под командованием твоей милости должна быть полутысяча стрелков и там еще пажа нужно будет подобрать, если нет. Ну или слугу посмелее... – уточнил ветеран, не понимая чего, собственно, я так разволновался.

А я и в самом деле «разволновался». Хотя куда правильнее было бы назвать эти эмоции куда грубее, но и точнее. Хотя бы, например, охренел!

«...Просто сюрприз так сюрприз... То-то я думаю, чего этот чувак пророчит мне неудачу. А там же все просто, напросился неопытный балбес рулить полутысячей потенциальных трусов, дезертиров и хорошо еще, если не бунтовщиков. Как же блин, теперь быть...»

Не смотря на то, что я не служил в армии, в голове твердо засела ассоциация, что рота – это не больше ста пятидесяти, может – двух сотен человек.

«...Как же, брат, будешь рулить всем этим...» – в душе шевелились самые неприятные предчувствия.

* **Безансон** – город на востоке современной Франции, в описываемый период представлял собой коллективного феодала и относился к так называемым «вольным городам» Священной Римской империи.

* **Швабия** – историческая область на юго-западе современной Германии в верховьях рек Рейн и Дунай, названная в честь швабов – немцев, говорящих на особом швабском диалекте. В узком смысле – это современные Баден-Вюртемберг и западная Бавария, то есть ядро расселения алеманнов, предков современных швабов. Однако ареал расселения алеманнов был гораздо шире, и в историческом контексте «Швабия» – может включать в себя также немецкоязычные кантоны Швейцарии и Эльзас (ныне в составе Франции).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.